

МЕЛОДИ ЛЕЙН

ТРОФЕЙ
для двоих

18+

Мелоди Лейн

Трофей для двоих

<https://litres.ru/74130022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два альфа-самца. Два непримиримых врага в бизнесе и жизни. Дмитрий Северцев – темный, властный, привыкший получать свое любой ценой. Мстислав Платонов – холодный, расчетливый, не знающий поражений. Их мир – это большие деньги, опасные сделки и вечное противостояние. Аврора Загорская – ослепительная красавица с надменным взглядом и душой, полной тайн, врывается в их жизнь, словно стихия. Она становится не просто объектом желания, а главным призом в их новой, самой жестокой игре. Оба видят в ней лишь трофей, идеальное дополнение к своей империи. Но Аврора не пешка. У нее свои планы и свои секреты. Сможет ли она устоять перед натиском двух хищников? Или сама станет охотницей в этой битве за власть, страсть и, возможно, любовь? Кому достанется главный трофей, и не окажется ли цена за него слишком высока для всех троих? Битва началась, ставки сделаны, а чувства – непозволительная роскошь или единственное спасение?

Содержание

Глава 1. Ледяное пламя. Мстислав	4
Глава 2. Взгляд хищника. Дмитрий	18
Глава 3. Маска ледяной леди. Аврора	27
Глава 4. Вторжение варвара. Мстислав	37
Глава 5. Вкус ее непокорности. Дмитрий	46
Глава 6. Цена молчания. Аврора	54
Глава 7. Ледяное удовлетворение. Мстислав	61
Глава 8. Ярость зверя. Дмитрий	69
Глава 9. Визитка в кармане. Аврора	77
Глава 10. Демонстрация власти. Мстислав	83
Глава 11. План мести. Дмитрий	91
Глава 12. Послание от дьявола. Аврора	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Мелоди Лейн

Трофей для двоих

Глава 1. Ледяное пламя. Мстислав

Скука. Густая, вязкая, как прошлогодний мед, она обволакивала меня с того самого момента, как я переступил порог этого позолоченного балагана. Ежегодный благотворительный аукцион фонда "Возрождение" был обязательным ритуалом для людей моего круга. Здесь не спасали детей и не строили больницы. Здесь отмывали репутацию, заключали теневые сделки под звон хрусталя и демонстрировали самок, купленных за караты и квадратные метры в центре столицы. Фальшь сочилась из каждого угла, смешиваясь с дорогим парфюмом и запахом денег. Я ненавидел это место.

Я стоял у панорамного окна, глядя на ночной город, раскинувшийся подо мной неоновым ковром. Огни небоскребов - вот настоящая красота. Холодная, расчетливая, подчиненная воле и разуму. В отличие от этого зала, полного разгоряченных тел и пустых улыбок. Мой синий костюм от Vgioni сидел как вторая кожа, черный галстук казался удавкой. Я сделал глоток ледяного виски, чувствуя, как обжигающий холод скользит по горлу, приводя мысли в порядок.

- Платонов. Не ожидал тебя увидеть в этом серпентарии.

Голос, который я узнаю из тысячи. Низкий, с хрипотцой, пропитанный самодовольством и плохо скрываемой агрессией. Я медленно обернулся.

Дмитрий Северцев.

Мой вечный враг. Мое кривое зеркало. Мы были похожи, как два хищника одного вида, борющиеся за одну территорию. Высокие, мускулистые, привыкшие доминировать. Только он был тьмой, необузданной силой, а я - льдом, выверенной стратегией. Его волосы были темными, почти черными, с едва заметной проседью, которая лишь добавляла ему брутальности. Густая борода скрывала жесткую линию подбородка, а серые, почти стальные глаза смотрели на мир с вызовом. Сегодня на нем был безупречный черный костюм, который делал его похожим на ворона, слетевшегося на пададь.

- Северцев, - мой голос прозвучал ровно и холодно. - Удивлен, что ты нашел время оторваться от подсчета своих грязных денег. Или пришел подыскать себе новую игрушку? Вон та блондинка в красном, кажется, еще свободна.

Его губы скривились в усмешке, но глаза потемнели. Я попал в точку. Наша ненависть была старой, въевшейся в кости. Она началась с бизнеса - с враждебного поглощения, которое я предотвратил, оставив его ни с чем. А потом переросла в нечто личное, в вечное соревнование, где каждый наш шаг был направлен на то, чтобы уколоть, унижить, уничтожить другого.

- Я всегда нахожу время для хорошего спектакля, - протянул он, обводя зал тяжелым взглядом. - А здесь сегодня премьеры. Говорят, главный лот - картина неизвестного авангардиста. Но мы-то с тобой знаем, что настоящие торги идут не на сцене.

Он прав. Я тоже был здесь не ради искусства. Один из моих проектов требовал поддержки этого фонда, а точнее, его попечительского совета. Небольшая, но досадная бюрократическая заминка, которую можно было решить одним щедрым пожертвованием и парой рукопожатий в правильных кругах. Северцев, очевидно, преследовал схожие цели. Его строительная империя постоянно нуждалась в новых разрешениях и лояльности чиновников, которые любили рядиться в тоги меценатов.

- Не сомневаюсь, что твои методы, как всегда, будут на грани фола, - безразлично бросил я, возвращая взгляд к ок-

ну. Разговор с ним высасывал кислород из воздуха.

- Мои методы эффективны, Платонов. В отличие от твоего занудного следования правилам, которые ты сам же и переписываешь, когда тебе удобно.

Я промолчал. Спорить с ним было все равно что бить кулаком по каменной стене. Бессмысленно и энергозатратно.

Ведущий на сцене начал распинаться о следующем лоте, и я заставил себя прислушаться. "А теперь, дамы и господа, позвольте представить вам человека, благодаря которому". Дальше я не слушал. Мое внимание, как и внимание всего зала, приковала фигура, появившаяся на сцене.

Она.

Девушка. Нет, не так. Не очередная силиконовая кукла с заученной улыбкой. Она была... другой.

На ней было простое, строгое платье-футляр серого цвета, доходящее до колен. Никакого декольте, никаких блесток. Волосы, невероятного, платинового цвета, были собраны в тугую, элегантный узел на затылке. Никаких бриллиантов, лишь скромные серьги-гвоздики в ушах. Она не улыбалась. Ее лицо было серьезным, почти надменным. Пухлые, неж-

но-розовые губы сжаты в тонкую линию, а небесно-голубые глаза смотрели в зал спокойно и уверенно, словно перед ней были не акулы бизнеса, а школьники на линейке.

Она была глотком свежего воздуха в этой душной атмосфере. Чистый, холодный родник посреди затхлого болота. В ней не было ничего кричащего, но именно это и приковывало взгляд. Она выделялась своей простотой, своей непохожестью на всех этих женщин, одетых в целые состояния.

- ...Аврора Загорская, куратор нашего фонда и человек, открывший для нас этот уникальный талант, - закончил ведущий под жидкие аплодисменты.

Аврора Загорская. Имя и фамилия ей подходило. Что-то северное, чистое, как утренняя заря. Она подошла к микрофону, и зал затих.

- Добрый вечер, - ее голос был низким и бархатным, без тени волнения. - Сегодня мы представляем лот, который является не просто предметом искусства. Это манифест. Манифест о том, что талант не имеет границ и не зависит от социального статуса. Картина "Прорыв" была написана юным художником из детского дома, и все вырученные средства пойдут на создание арт-школы для таких же одаренных детей.

Ее слова были простыми, но в них чувствовалась сила. Она не просила, не умоляла. Она констатировала факт. Она верила в то, что говорила, и эта вера передавалась залу. Я почувствовал, как рядом напрягся Северцев. Он тоже смотрел на нее. И в его взгляде я увидел то же, что зародилось и во мне. Интерес. Хищный, собственнический интерес.

Картину вынесли на сцену. Яркое, хаотичное полотно, полное экспрессии. Я не разбирался в искусстве, для меня это были лишь мазки краски. Но я разбирался в людях. И эта девушка, Аврора, была произведением искусства куда более сложным и интересным.

- Стартовая цена - пятьсот тысяч, - объявил ведущий.

В зале послышались смешки. Сумма была смехотворной для этого сборища.

- Миллион, - лениво бросил кто-то из первого ряда.

- Полтора.

- Два.

Торги шли вяло. Картина была лишь предложением. Все жда-

ли, когда в игру вступят тяжеловесы. Я молчал, наблюдая за Авророй. Она стояла с прямой спиной, ее лицо оставалось бесстрастным, но я заметил, как она едва заметно сжала кулаки. Она переживала. Эта маска ледяной королевы была лишь защитой.

- Пять миллионов, - раздался рядом со мной голос Северцева.

В зале одобрительно загудели. Дмитрий любил широкие жесты. Он не просто делал ставку, он бросал вызов. Его взгляд был устремлен не на сцену, а на меня. Он ждал моей реакции. Он хотел, чтобы я включился в его игру. И я бы с удовольствием проигнорировал его, если бы не одно "но". Взгляд Авроры. На долю секунды он метнулся в нашу сторону, и я увидел в ее небесно-голубых глазах проблеск надежды. Она хотела, чтобы эта картина ушла как можно дороже. Ради ее цели. Ради ее детей.

И в этот момент что-то щелкнуло. Это перестало быть просто аукционом. Это перестало быть просто очередным столкновением с Северцевым. Это стало чем-то большим. Я хотел увидеть, как ее лицо изменится, когда она поймет, кто здесь настоящий король.

- Десять, - мой голос прозвучал спокойно и весомо, раз-

резающая гул в зале.

Наступила тишина. Все взгляды обратились ко мне. Я видел, как дернулся кадык Северцева. Я видел, как расширились глаза Авроры Загорской. В них больше не было надежды. В них было потрясение. И что-то еще... что-то, что я не смог прочесть.

- Десять миллионов от господина Платонова! - восторженно взвизгнул ведущий. - Кто больше? Господин Северцев?

Дмитрий усмехнулся, сверкнув глазами в мою сторону.

- Пятнадцать.

Он бросил перчатку. Он превратил это в дуэль. И призом была уже не картина. Призом было ее внимание.

- Двадцать, - не меняя тона, сказал я.

- Двадцать пять, - немедленно ответил он.

Зал замер, наблюдая за нашим поединком. Это было лучше любого спектакля. Два непримиримых врага, два титана, сошлись в битве за безымянную картину. Но я-то знал, за что мы боремся. И он знал.

Я посмотрел на Аврору. Она стояла бледная, как полотно, ее пухлые губы были приоткрыты от изумления. Она смотрела то на меня, то на Северцева, и в ее глазах читалась растерянность. Она не понимала, что происходит. Она не понимала, что в одночасье стала центром этой бури.

- Тридцать, - произнес я, глядя прямо на нее.

Это была моя финальная ставка. Я мог бы продолжать и дальше, мои ресурсы позволяли. Но дело было не в деньгах. Дело было в психологии. Я показал, что готов идти до конца, но сделал это с ледяным спокойствием, в то время как Северцев начинал заводиться.

Дмитрий сжал кулаки. Я видел, как в нем борются гордыня и расчет. Тридцать миллионов за эту мазню - это было уже за гранью разумного даже для него. Он посмотрел на меня с ненавистью, затем его взгляд скользнул по Авроре, задержавшись на ней на мгновение дольше, чем позволяли приличия.

- Продано! Тридцать миллионов господину Платонову! - воскликнул ведущий, ударяя молотком.

Зал взорвался аплодисментами. Я не обращал на них вни-

мания. Я смотрел на нее. Аврора Загорская медленно выдохнула, прикрыв глаза на секунду. Когда она открыла их снова, ее взгляд встретился с моим. В нем не было благодарности. В нем была настороженность. И еще... любопытство.

Северцев что-то злобно прошипел и, развернувшись, направился к выходу, расталкивая официантов. Игра для него была окончена. Для меня - только начиналась.

Я дождался, пока ажиотаж утихнет, и направился к сцене. Аврора уже спустилась и разговаривала с каким-то пожилым мужчиной, вероятно, одним из попечителей. Я терпеливо ждал, изучая ее. Идеальная осанка. Плавные, но сдержанные движения. Она держала себя в руках, но я видел едва заметное напряжение в линии ее плеч.

Когда мужчина отошел, я сделал шаг вперед.

- Аврора Загорская?

Она обернулась. Вблизи ее глаза казались еще более глубокими и прозрачными, как арктический лед. Она была выше, чем я думал, или, возможно, дело было в ее уверенной позе.

- Да. А вы - господин Платонов. Позвольте поблагодарить

вас. Ваш вклад... он неоценим.

Ее голос оставался ровным, но я уловил в нем стальные нотки. Она благодарила меня, но не заискивала. Она держалась на равных. Это интриговало.

- Я не занимаюсь благотворительностью, мисс Загорская, - сказал я прямо, сокращая дистанцию между нами еще на полшага. Я хотел видеть ее реакцию, почувствовать ее запах. Тонкий, едва уловимый аромат чего-то свежего, как озон после грозы. - Я делаю инвестиции. И сегодня я инвестировал в ваш проект.

Она слегка вскинула бровь. На ее надменном лице это выглядело особенно эффектно.

- Тогда, надеюсь, вы будете довольны дивидендами в виде построенной школы и десятков счастливых детей.

- Возможно. Но я предпочитаю контролировать свои активы. Я хотел бы встретиться с вами и обсудить детали проекта. Узнать, как именно мои деньги будут работать.

Это была ложь. Мне было плевать на эту школу. Десятки моих юристов могли бы проконтролировать каждый потраченный рубль без моего участия. Мне нужна была она. Мне

нужно было понять, что скрывается за этой ледяной маской.

Она на мгновение замялась. Я видел, как в ее голове идет напряженная работа. Она взвешивала все "за" и "против". Она понимала, что я не просто так проявил такую щедрость. Она чувствовала подвох. Умная девочка.

- Конечно, - наконец произнесла она, и в ее голосе не дрогнул ни один мускул. - Мой ассистент свяжется с вашим, чтобы согласовать время.

- Я предпочитаю решать вопросы лично. Завтра. В моем офисе. В десять утра.

Это был не вопрос. Это был приказ. Я намеренно использовал свой властный тон, к которому привыкли все мои подчиненные. Я хотел посмотреть, как она отреагирует. Прогнется ли? Испугается?

Аврора посмотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд был твердым, как алмаз.

- Боюсь, завтра в десять у меня уже назначена встреча. Но я свободна в полдень. В ресторане "Северное сияние". Мне будет удобно встретиться там.

Она не просто не прогнулась. Она нанесла ответный удар. Отказала мне, хозяину положения, и назначила встречу на своей, нейтральной территории. Она перехватила инициативу. И это, черт возьми, возбуждало. Никто. Ни одна женщина, ни один партнер по бизнесу не смел так со мной разговаривать.

На моих губах появилась тень улыбки. Я протянул руку, и после секундного колебания она вложила в нее свою ладонь. Ее пальцы были тонкими и холодными. Но прикосновение обожгло меня, как разряд тока.

- В полдень. В "Северном сиянии", - медленно повторил я, не выпуская ее руки и наслаждаясь ее замешательством. Я чуть сильнее сжал ее пальцы, чувствуя, как под моей кожей пробегает волна необъяснимого жара. - Не опаздывайте, мисс Загорская. Я этого не люблю.

Я отпустил ее руку и, не оборачиваясь, пошел к выходу. Я чувствовал ее взгляд на своей спине. Пронизывающий, изучающий.

Битва с Северцевым за картину была лишь разминкой. Настоящая война - война за эту женщину - только что началась. И я не собирался в ней проигрывать. Аврора Загорская. Она еще не знает, что стала главным призом. Моим трофе-

ем. И я получу ее. Любой ценой.

Выйдя на улицу, я вдохнул холодный ночной воздух. Мысли были кристально ясными. План начал выстраиваться в голове с математической точностью. Она думает, что сможет играть со мной на равных. Она думает, что сможет сохранить свою независимость. Какая восхитительная самонадеянность.

Она еще не понимает, что попала в клетку с двумя хищниками. И второй хищник, Северцев, не отступится так просто. Его уход был лишь тактическим отступлением. Он будет действовать. И это делало игру еще интереснее.

Она станет идеальным дополнением к моей империи. Идеальным оружием против моего врага. Но что-то в ее ледяных глазах, в ее негибимой воле говорило мне, что этот трофей будет не так-то просто завоевать. И, возможно, впервые за долгие годы, мне был интересен не только результат, но и сам процесс охоты.

Глава 2. Взгляд хищника. Дмитрий

Ярость. Горячая, обжигающая, она клокотала у меня в груди, грозя вырваться наружу первобытным рыком. Я сжал кулаки с такой силой, что костяшки побелели, а ногти впились в ладони, оставляя багровые полумесяцы. Тридцать миллионов. Этот ледяной ублюдок Платонов вышвырнул тридцать миллионов просто для того, чтобы утереть мне нос. Чтобы показать всему этому сброду, кто здесь главный.

Я резко развернулся и пошел прочь со своего наблюдательного поста у бара, проталкиваясь сквозь толпу. Люди шарахались от меня, как от прокаженного, чувствуя волны гнева, исходящие от моего тела. Я не смотрел на их испуганные лица. Перед моими глазами стояла самодовольная ухмылка Мстислава и бледное, потрясенное лицо... ее.

Аврора Загорская.

Я заметил ее в тот же миг, как она появилась на сцене. Среди всех этих холеных, пустых кукол в бриллиантах она была как дикий полевой цветок, случайно проросший на мраморной плите. Строгое серое платье, ни капли косметики, волосы, собранные в тугий узел. Она не пыталась понравиться. Не кокетничала. Она просто была. И в этой ее про-

стоте, в ее холодном, отстраненном достоинстве была заключена невероятная сила. Сила и чистота, которую мне захотелось немедленно присвоить. Испортить. Сделать своей.

Инстинкт охотника, дремавший во мне, проснулся мгновенно. Это была моя добыча. Я почувствовал это каждой клеткой своего тела. Я наблюдал за ней, пока она говорила своим низким, обволакивающим голосом о каких-то детях, о какой-то школе. Слова не имели значения. Имел значение только огонь, который горел в ее небесно-голубых глазах. Она верила в свое дело. Эта страсть, скрытая под ледяной оболочкой, пьянила похлеще самого дорогого виски.

И тут в игру вступил он. Платонов. Я видел, как его холодный, оценивающий взгляд впился в нее. Он не видел в ней женщину. Он, как всегда, видел лишь актив, очередную фигуру на своей бесконечной шахматной доске. И это взбесило меня еще больше. Я решил действовать первым. Моя ставка в пять миллионов была пробным камнем, способом заявить о своих правах. И этот улюдок ответил.

Наша перепалка ставками была не просто демонстрацией кошельков. Это была битва волей, битва двух самцов за право обладания. Каждый новый ноль, который он добавлял к сумме, был пощечиной для меня. А я не терплю, когда меня бьют. Я отвечаю ударом на удар. Но на тридцати миллионах

мой внутренний калькулятор взвыл. Это была иррациональная трата. Глупость. Но гордость требовала идти до конца.

И я бы пошел. Плевать на деньги. Я бы поставил и пятьдесят. Но я увидел ее взгляд. Взгляд, мечущийся между мной и Платоновым. В нем была паника. Она стала заложницей нашей войны, призом, о котором ее никто не спрашивал. И в этот момент я понял - если я продолжу, я уподоблюсь ему. Превращу ее в бездушный лот. А я не хотел ее покупать. Я хотел ее завоевать.

Я отступил. Но это не было поражением. Это было тактическое отступление. Пусть Платонов тешится своей мелкой победой. Он выиграл аукцион, но не войну. Война только начинается, и вестись она будет по моим правилам.

Я вылетел из душного зала на улицу, в прохладную ночь. Мой водитель тут же подвел черный бронированный Майбах, но я жестом велел ему подождать. Мне нужно было остыть. Я ослабил узел галстука, который душил меня весь вечер, и глубоко вдохнул. В голове царил хаос из ярости, унижения и... желания. Неистового, всепоглощающего желания обладать этой белокурой ледяной королевой.

Я достал телефон и набрал номер начальника своей службы безопасности.

- Орлов, - бросил я в трубку, как только он ответил. - Мне нужна вся информация на женщину. Имя - Аврора Загорская. Куратор фонда "Возрождение". Мне нужно знать все. Где родилась, где училась, кто ее родители, были ли у нее мужчины, чего она боится, о чем мечтает, какой кофе пьет по утрам. Все. К утру отчет должен быть у меня на столе.

- Будет сделано, Дмитрий Игоревич, - без лишних вопросов ответил Орлов. Он знал, что когда я говорю таким тоном, шутки кончены.

Я сбросил вызов и устоял на здании, где проходил прием. Платонов все еще там. Наверняка уже подошел к ней. Ощупывает ее своим холодным взглядом, говорит свои выверенные, лживые комплименты. От одной мысли об этом желваки на моих скулах снова заходили ходуном. Он видит в ней инструмент. Способ в очередной раз досадить мне. Но я... я увидел в ней нечто большее. Вызов. Непрístupную крепость, которую хочется взять штурмом.

Я сел в машину.

- Домой, - бросил я водителю.

Всю дорогу до моего пентхауса я молчал, прокручивая в

голове события вечера. Образ Авроры стоял перед глазами. Ее гордая осанка, линия шеи, упрямо сжатые губы. Я представлял, как распускаю ее платиновые волосы, как они водопадом ниспадают на ее плечи. Представлял, как срываю с нее это серое, скучное платье, под которым, я был уверен, скрывается идеальное тело. Представлял, как ее небесно-голубые глаза потемнеют от страсти, когда я наконец сломаю ее ледяное спокойствие.

Это стало навязчивой идеей. Одержимостью. Она была не похожа на тех женщин, что окружали меня. Тех, кто был готов на все ради сумки Birkin или поездки в Куршевель. В Авроре чувствовался стержень, порода. Такая не продается. Такую можно только покорить.

Дома я налил себе виски, но даже он не смог погасить пожар внутри. Я подошел к панорамному окну, из которого открывался вид на всю Москву. Моя империя. Я построил ее с нуля, своими руками, своей кровью и потом. Я привык получать все, что хочу. И сейчас я хотел ее.

Я знал, что Платонов не остановится. Его "инвестиция" - это лишь повод втянуть ее в свою паутину. Он будет давить на нее, манипулировать, использовать ее фонд как рычаг. Его методы всегда были тонкими и грязными. Он действует как удав, медленно сжимая кольца.

Мой метод другой. Я - волк. Я загоняю добычу и беру ее силой.

Утром, как и было приказано, на моем столе лежала тонкая папка. Орлов сработал оперативно. Я открыл ее, и мое сердце пропустило удар.

Аврора Загорская. 24 года. Родилась в Санкт-Петербурге. Отец, Константин Загорский, известный в прошлом архитектор, владелец небольшого, но уважаемого архитектурного бюро "Наследие". Мать, Ирина Загорская, искусствовед. Два года назад отец перенес обширный инсульт, отошел от дел. Бюро оказалось на грани банкротства из-за долгов и нечистоплотности бывшего партнера. Аврора, бросив аспирантуру по искусствоведению, взвалила все на себя. Пытается спасти дело отца, но безуспешно. Долги растут. Кредиторы насаждают. Работа в фонде - ее последняя отчаянная попытка найти спонсоров, завести полезные знакомства, чтобы спасти "Наследие".

Я откинулся в кресле, глядя на ее фотографию. На ней она была другой. Легкая улыбка, распущенные волосы, развевающиеся на ветру. Живая, настоящая. И в глазах - ни тени той ледяной надменности, что я видел вчера. Лишь легкая грусть.

Все встало на свои места. Ее отчаянная вера в проект, ее напряжение, ее сила воли. Она не просто куратор. Она - воин, сражающийся за свою семью.

И тут же отдельной строкой: "Личная жизнь. Серьезных отношений не было. По проверенным данным, девственница". Эта последняя фраза ударила в голову, как выстрел. Девственница. В нашем мире, в ее возрасте. Это было почти невероятно. Это делало ее еще более желанной. Чистый, нетронутый цветок в саду порока.

Теперь я знал ее уязвимость. Ее ахиллесову пяту. Деньги. Ей нужны деньги, чтобы спасти дело отца. И я мог дать ей эти деньги. Но не просто так.

Платонов тоже наверняка уже раскопал все это. И он предложит ей сделку. Холодную, расчетливую, унижительную. Он купит ее лояльность, а заодно и ее саму, обставив все как деловое партнерство.

Но я поступлю иначе. Я предложу ей нечто большее. Шанс. Но за этот шанс она заплатит мне. Не деньгами. Сойбой.

Я снова набрал Орлова.

- Найди мне все о ее отце. О его бюро "Наследие". Какие у них проекты, какие долги, кто главные кредиторы. И еще. Узнай, куда она пойдет сегодня после аукциона. Где она будет завтра утром. Я хочу знать каждый ее шаг.

- Дмитрий Игоревич, есть информация, что Платонов назначил ей встречу. Завтра, в полдень, в "Северном сиянии".

Проклятье! Ледяной ублюдок действует быстро. Он уже расставил свою ловушку. Значит, у меня нет времени на долгие прелюдии. Нужно нанести удар первым.

- Отлично, - я хищно улыбнулся. - Значит, я тоже буду там. Забронируй мне столик с лучшим видом на зал. И подготовь машину. Кажется, завтрашний обед обещает быть очень интересным.

Я положил трубку. План созрел мгновенно. Дерзкий, наглый, в моем стиле. Я не буду ждать, пока Платонов опутает ее своими сетями. Я ворвусь в их встречу и сделаю ей предложение, от которого она не сможет отказаться.

Я подойду к их столику. Увижу, как исказится от ярости лицо Мстислава. Увижу, как удивление и страх отразятся в ее небесных глазах. И я скажу ей: "Мисс Загорская, я готов

выкупить все долги вашего семейного бюро. Я сделаю его ведущей архитектурной компанией в стране. Взамен я хочу немного. Всего лишь вас".

Я представлю, как она побледнеет. Как ее гордость будет бороться с отчаянием. Она будет ненавидеть меня. И я буду наслаждаться этой ненавистью. Потому что ненависть - это такое же сильное чувство, как и страсть. А от одного до другого, как известно, всего один шаг.

Этот трофей не достанется Платонову. Я заберу его себе. Аврора Загорская станет моей. Ее тело, ее душа, ее первый стон, ее первая ночь. Все это будет принадлежать мне. И когда я сломаю ее, когда она будет лежать в моей постели, покорная и обессиленная, я буду знать, что одержал главную победу в своей жизни. Победу не только над ней, но и над моим вечным врагом.

Битва началась. И я не намерен щадить никого. Особенно ее.

Глава 3. Маска ледяной леди. Аврора

Я стою на сцене под софитами, и их свет кажется мне ледяным. Он не греет, а обжигает, делая меня видимой для сотен пар глаз. Я чувствую их взгляды на себе - оценивающие, любопытные, равнодушные. Я для них - лишь функция, девушка в сером платье, говорящая правильные слова о благотворительности. Они не видят, как бешено колотится мое сердце под строгой тканью, как дрожат кончики пальцев, спрятанные за спиной. Я - Аврора Загорская, и я - самозванка в этом мире роскоши и лицемерия.

Мой голос звучит ровно и уверенно. Годы тренировок с мамой, которая учила меня держаться на публике, не прошли даром. "Спина прямая, подбородок вверх, смотри вверх голов, Аврора. Ты - Загорская. Помни об этом". Я помню, мама. Я отчаянно пытаюсь помнить. Но сейчас от нашей фамилии осталось лишь эхо былого величия и гора долгов, которая грозит похоронить под собой все, что мне дорого.

Когда начинаются торги, я превращаюсь в натянутую струну. Каждый подъем ставки - это глоток воздуха для утопающего. Миллион, два, пять Этого мало. Это капля в мо-

ре. Мне нужно чудо. Мне нужны деньги, чтобы выкупить закладные на папино бюро, чтобы расплатиться с кредиторами, которые уже не угрожают, а просто ждут своего часа, чтобы пустить "Наследие" с молотка. Папа... Он сидит дома, в инвалидном кресле, смотрит в одну точку и даже не догадывается, что дело всей его жизни, его гордость, утекает сквозь мои пальцы, как песок.

И тут раздается его голос. Дмитрий Северцев. Пять миллионов. Я знаю, кто он. Вся Москва знает. Строительный магнат с репутацией рейдера. Жесткий, беспринципный, идущий по головам. Я мельком смотрю в ту сторону, откуда донесся его голос, и встречаюсь с его взглядом. Темные, почти черные глаза хищника, который уже выбрал себе жертву. От этого взгляда по спине пробегает неприятный холодок. Он смотрит на меня так, словно уже раздевает, словно знает все мои тайны. Я инстинктивно сжимаюсь, отворачиваюсь.

И тут же слышу другой голос. Спокойный, холодный, властный.

- Десять.

Мстислав Платонов. Ледяной король финансового мира. Его империя была построена на холодном расчете и безупречной стратегии. О нем говорили, что у него вместо серд-

ца - калькулятор. Его серо-стальные глаза я тоже нахожу в толпе. Он смотрит на меня иначе, чем Северцев. Не как на добычу, а как на интересный актив. Словно прикидывает мою рыночную стоимость. И это унижительно ничуть не меньше.

Начинается их безумная дуэль. Пятнадцать. Двадцать. Двадцать пять. Тридцать. Я стою, как оглушенная. Зал гудит. Я понимаю, что дело давно не в картине и не в благотворительности. Я - причина. Сама того не желая, я стала яблоком раздора для двух самых опасных мужчин в этом городе. Они не видят меня. Они видят друг друга, и я - лишь поле их битвы, флажок на карте, который нужно захватить первым. Паника подступает к горлу липким комом. Я не этого хотела. Я хотела спасти дело отца, а не стать игрушкой в руках олигархов.

Когда молоток ведущего ударяет, возвещая о победе Платонова, я выдыхаю с таким облегчением, что на миг кружится голова. Тридцать миллионов. Это это спасение. Это больше, чем я могла мечтать. Это шанс. Но я тут же понимаю, что у этого шанса есть цена. И цену эту назначит победитель. Мстислав Платонов.

Когда он подходит ко мне после, я собираю всю свою волю в кулак, чтобы не выдать своего страха. Вблизи он еще

более внушительный. Высокий, с идеальной осанкой, в его светлых, тронутых сединой волосах и холодных серых глазах - власть. Настоящая, не требующая подтверждения.

- Я не занимаюсь благотворительностью, мисс Загорская. Я делаю инвестиции.

Его слова - как пощечина. Он сразу расставляет все по своим местам. Я ему должна. Он - инвестор. Я - его проект. Моя благодарность мгновенно испаряется, сменяясь холодной яростью. Как он смеет?

- Тогда, надеюсь, вы будете довольны дивидендами в виде построенной школы... - я стараюсь, чтобы мой голос звучал так же холодно, как и его.

Но он перехватывает инициативу. Приказывает мне явиться к нему в офис. И во мне что-то взрывается. Нет. Хватит. Я не буду пешкой. Весь вечер я чувствовала себя жертвой, объектом, но больше не позволю. Я поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза.

- Боюсь, завтра в десять у меня уже назначена встреча. Но я свободна в полдень. В ресторане "Северное сияние".

Я сама удивляюсь своей смелости. Отказать Мстиславу

Платонову? Назначить ему свои условия? Это безумие. Но я вижу, как в его ледяных глазах проскальзывает искра. Не гнева. Удивления. И, кажется,... уважения?

Его рукопожатие обжигает. Сильные, властные пальцы сжимают мою ладонь, и я чувствую, как по телу пробегает дрожь. Совершенно произвольная, животная реакция на его силу. Я отдергиваю руку, как от огня, едва он ее отпускает.

- Не опаздывайте, мисс Загорская. Я этого не люблю.

Он уходит, а я остаюсь стоять, пытаюсь унять дрожь во всем теле. Что я наделала? Я бросила вызов самому дьяволу. Но другого пути нет. Я должна показать ему, что со мной нельзя разговаривать с позиции силы.

Весь остаток вечера я провела как в тумане, механически улыбаясь и принимая поздравления. Я искала глазами Северцева, но он, к моему облегчению, исчез. Его тяжелый, собственнический взгляд пугал меня куда больше, чем холодный расчет Платонова.

Вернувшись домой, в нашу старую квартиру на Петроградке, которая помнила еще прадеда, я долго не могу уснуть. Тишина давит на уши после шума приема. Я захожу

в комнату к отцу. Он спит, его лицо во сне кажется почти безмятежным. На тумбочке стоит его фотография в молодости - красивый, полный сил мужчина на фоне одного из своих проектов. Я провожу пальцем по стеклу.

- Я справлюсь, папа. Я обещаю, - шепчу я в тишину.

Но я не уверена в своих словах. Завтрашняя встреча с Платоновым пугает меня до чертиков. Что он захочет взамен на свою "инвестицию"? Контроль над фондом? Публичное партнерство для улучшения своего имиджа? Или что-то другое? Что-то личное? Мысль о его прикосновении заставляет меня содрогнуться. Я девственница не потому, что у меня старомодные взгляды. Просто... не было времени. Сначала учеба, потом болезнь отца, борьба за бюро. У меня не было времени на свидания, на флирт, на любовь. Мужчины в моем мире были либо клиентами, либо кредиторами. И вот теперь в моей жизни появились сразу двое, и оба видят во мне лишь трофей.

Утром я долго стою перед шкафом. Что надеть на встречу с дьяволом? Черное платье - слишком траурно. Белое - слишком невинно. Я выбираю компромисс - брючный костюм глубокого синего цвета. Строго, профессионально, но в то же время элегантно. Волосы я снова собираю в тугой узел. Никаких слабостей. Никаких вольностей. Я - деловой партнер,

пришедший на переговоры.

Ресторан "Северное сияние" - одно из самых дорогих и пафосных мест в городе. Я прихожу ровно в полдень. Платонов уже там. Он сидит за лучшим столиком у окна, и вид у него такой, словно он владелец этого заведения. Он поднимается мне навстречу.

- Аврора. Вы очень пунктуальны. Это хорошее качество, - говорит он, и в его голосе слышатся одобрительные нотки.

- Я ценю свое и чужое время, господин Платонов, - отвечаю я, садясь напротив.

Мы делаем заказ. Разговор не клеится. Я жду, когда он перейдет к делу. Напряжение висит в воздухе, его можно резать ножом.

- Итак, "Наследие", - вдруг говорит он, и я вздрагиваю. Он знает. Конечно, он знает. - Бюро вашего отца. Великий был архитектор. Жаль, что его подкосили проблемы. Долги, недобросовестные партнеры.

Мое сердце уходит в пятки. Он не просто знает. Он изучил меня. Он копался в моей жизни.

- Откуда вы...

- У меня хорошая служба информации, Аврора. Я всегда изучаю свои активы, - он отпивает воду, не сводя с меня своих пронзительных серых глаз. - Я готов помочь вам. Закрывать все долги вашего бюро. Более того, я готов инвестировать в него, сделать его флагманом на рынке элитной недвижимости.

Я не верю своим ушам. Это... это больше, чем я могла себе представить. Это спасение. Это возрождение.

- Но... зачем это вам? - шепчу я, не в силах скрыть своего изумления.

Он усмехается. Холодно, без тени веселья.

- Я же сказал. Я инвестор. А еще я филантроп. Но моя филантропия имеет свою цену.

- Какую? - спрашиваю я, и мой голос дрожит.

Он наклоняется ко мне через стол.

- Вы. Вы станете лицом моего нового благотворительного направления. Будете сопровождать меня на всех приемах

и мероприятиях. Официально, разумеется. Мы подпишем контракт. На год. Вы будете моим... консультантом по искусству и благотворительности. Ваша репутация безупречна, ваше имя уважаемо. Вы - идеальная ширма для некоторых моих проектов.

Я смотрю на него, пытаюсь понять, где подвох. Сопроводить его? Быть его витриной? Это унижительно, но это не так страшно, как я думала. Это просто работа. Тяжелая, неприятная, но работа.

- И это все? - с недоверием спрашиваю я.

Его взгляд становится жестче.

- На год, Аврора, вы будете принадлежать мне. Ваше время, ваше внимание, ваша лояльность. Никаких других мужчин, никаких посторонних интересов. Все ваше существование будет подчинено нашему контракту. Это не обсуждается.

Вот он, подвох. Он покупает не просто мое время. Он покупает мою жизнь. Мою свободу.

И в этот самый момент, когда я пытаюсь осознать масштаб его предложения, за спиной Платонова вырастает еще одна тень.

- Прошу прощения, что прерываю вашу деловую встречу. Надеюсь, я не помешаю?

Дмитрий Северцев. Он стоит рядом с нашим столиком, и на его губах играет хищная усмешка. Он смотрит на окаменевшего Платонова, а потом переводит свой горящий взгляд на меня.

- Аврора, - он произносит мое имя так, словно пробует его на вкус. - Я слышал, у вас проблемы с семейным бизнесом. Так вот, предложение господина Платонова - это полумеры. Я же предлагаю вам решение. Я выкупаю ваше бюро. Полностью. Делаю вас его полноправной главой с неограниченным бюджетом. Вы возродите имя Загорских. А взамен - он делает паузу, наслаждаясь эффектом. - Взамен я хочу, чтобы вы стали моей. Без всяких контрактов и ширм. Просто моей.

Я сижу между ними, двумя монстрами, и чувствую, как воздух вокруг меня сгущается до предела. Один предлагает мне золотую клетку. Второй - рабство в бархатных оковах. Оба хотят одного - обладать мной. И я понимаю, что моя тихая жизнь закончилась. Я попала в их игру. И теперь, чтобы выжить, мне нужно срочно придумать свои собственные правила.

Глава 4. Вторжение варвара. Мстислав

В тот момент, когда голос Северцева, подобно скрежету металла по стеклу, разрезал выверенную атмосферу нашего разговора, первой моей реакцией был не гнев. Нет, гнев - это эмоция, а я не позволяю себе такой роскоши в присутствии врагов. Первой реакцией было ледяное, кристально чистое бешенство. Он посмел. Этот неотесанный варвар, этот дикий зверь, привыкший решать все вопросы кулаками и нахрапом, посмел вторгнуться на мою территорию. А этот ресторан, этот столик, эта женщина напротив меня - в данную секунду были моей территорией.

Я не повернул головы. Я продолжал смотреть на Аврору, фиксируя каждую микроскопическую перемену на ее лице. Шок. Расширившиеся зрачки. Легкий испуг, который она тут же попыталась скрыть, сжав свои пухлые губы. И, что самое важное, - тень растерянности. Северцев своим появлением выбил ее из колеи, разрушил ту хрупкую конструкцию, которую я с таким трудом выстраивал. Он превратил наши тонкие переговоры в базарную свару.

- Северцев, - мой голос прозвучал ровно, без малейшего

намека на внутреннюю бурю. Я медленно повернулся в его сторону, окинув его взглядом, полным холодного презрения. - Твоя мать не учила тебя, что неприлично подслушивать чужие разговоры и вмешиваться без приглашения? Впрочем, о чем я. Для этого нужно иметь мать, а не волчицу.

Его желваки заходили под щетиной, но он ухмыльнулся, принимая удар.

- Моя мать учила меня брать то, что я хочу, Платонов. А не обставлять это унижительными контрактами, как делаешь ты.

Он снова перевел взгляд на Аврору, и в его глазах полыхнул такой откровенный, собственнический огонь, что мне захотелось встать и сломать ему нос. Но это его методы. Не мои. Мое оружие - интеллект и выдержка.

- Я предлагаю Авроре не клетку, а корону, - продолжил он, намеренно игнорируя меня. - А что предлагаешь ты? Роль красивой собачки на поводке?

Я видел, как Аврора вздрогнула от его грубых слов. Он бил наотмашь, не заботясь о последствиях, пытаясь выставить меня тираном, а себя - спасителем. Какая примитивная манипуляция.

И тут произошло то, чего я не ожидал. Ни от нее, ни от кого-либо другого в подобной ситуации.

Аврора Загорская медленно, с королевским достоинством, положила салфетку на стол. Она подняла на нас обоих свои невероятные голубые глаза, в которых больше не было ни страха, ни растерянности. В них была сталь.

- Господа, - ее голос был тихим, но резал слух почище любого крика. - Если вы закончили мериться размерами своих... предложений, то я, пожалуй, пойду. Я не привыкла участвовать в балагане.

Она встала. Просто встала, расправив плечи. В своем строгом синем костюме она выглядела как генерал, отдающий приказ двум зарвавшимся солдатам.

- Господин Платонов, - она повернулась ко мне, и ее взгляд смягчился на долю секунды. - Ваше предложение я услышала. Если оно все еще в силе, пришлите его в письменном виде на почту моего фонда. Я его рассмотрю.

Затем она развернулась к Северцеву. Ее взгляд снова стал ледяным.

- Ваше... выступление я тоже приняла к сведению. Если у вас есть что-то более конструктивное, чем публичные оскорбления, вы знаете, где меня найти. Всего доброго.

И она ушла. Не побежала, не пошла быстро. Она прошла через весь зал с прямой спиной и высоко поднятой головой, не оборачиваясь. За ней тянулся шлейф не духов, но абсолютной, негибаемой уверенности в себе.

Мы остались вдвоем, как два идиота, посреди дорогого ресторана. Тишина, повисшая между нами, звенела. Я медленно перевел взгляд на Северцева. Его лицо было непроницаемым, но я видел, как в глубине его темных глаз бушует уязвленная гордость. Она ушла от нас обоих. Она не выбрала никого. Она поставила нас на место.

- Умная девочка, - с кривой усмешкой протянул он, нарушив молчание. - С характером. Такую ломать - одно удовольствие.

- Ты к ней не прикоснешься, Северцев, - холодно отрезал я, делая знак официанту, чтобы принес счет. Разговор был окончен. Ланч был безнадежно испорчен. - Она - мой проект. Ты влез не в свое дело, и это будет стоить тебе дорого.

- Твой проект? - он расхохотался, неприятно, громко. - Ты

видел ее глаза, Платонов? Она презирает тебя так же, как и меня. Только я, в отличие от тебя, этого не скрываю. Я не ряжусь в тогу благодетеля. Я хищник, и она это знает. А ты - лицемер, паук, плетущий сети. И она это тоже поняла. Посмотрим, кого она испугается больше.

Он развернулся и, не прощаясь, направился к выходу. Я остался сидеть один, глядя на пустой стул напротив. Впервые за долгие годы мой идеально выстроенный план дал трещину. И виной тому были не действия моего врага, а реакция объекта.

Аврора.

Я недооценил ее. Я видел в ней красивый, но хрупкий артефакт. Умную, образованную девушку, загнанную в угол обстоятельствами. Я думал, что мое предложение, облеченное в цивилизованную форму контракта, будет для нее спасением, которое она примет с благодарностью. Я ошибся. Я увидел в ней гордость, но не понял ее масштаба. Она не пешка. Она - игрок. Игрок, который только что сделал свой первый, совершенно неожиданный ход, спутав все карты и мне, и Северцеву.

И это... восхищало.

Во мне боролись два чувства. Раздражение от сорванной сделки и провалившейся тактики. И совершенно новое, незнакомое мне чувство - азарт. Она бросила мне вызов. Не как женщина мужчине. А как равный соперник - равному.

Я расплатился по счету и вышел из ресторана. Мой водитель уже ждал.

- В офис, - бросил я, садясь на заднее сиденье.

Всю дорогу я молчал, прокручивая в голове ее слова: "Пришлите его в письменном виде". Она не отвергла меня. Она дала мне шанс. Она потребовала соблюдения формальностей, делового подхода. Она перевела наш разговор из плоскости личных одолжений в плоскость бизнес-предложения. И это был умный ход. Это позволяло ей сохранить лицо и выиграть время.

Вернувшись в свой кабинет на вершине одного из небоскребов Сити, я подошел к панорамному окну. Город лежал у моих ног, упорядоченный, подчиненный моей воле. Я привык все контролировать. Каждую сделку, каждого человека, каждую минуту своего времени. Аврора Загорская стала неучтенной переменной, которая нарушила гармонию моего мира.

Я вызвал главу юридического отдела.

- Подготовьте контракт. Стороны: я, Мстислав Платонов, и Аврора Загорская. Предмет: я закрываю все долговые обязательства ООО "Наследие" и инвестирую в его развитие сто миллионов в течение первого года. Взамен мисс Загорская на один год становится моим эксклюзивным консультантом по вопросам благотворительности и искусства.

- Эксклюзивным? - уточнил юрист.

- Это значит, что все ее рабочее и большая часть личного времени принадлежат мне. Сопровождение на всех публичных мероприятиях. Полная лояльность. Конфиденциальность. Пункт о недопустимости романтических и интимных связей с третьими лицами на время действия контракта прописать максимально жестко.

Юрист удивленно вскинул брови, но промолчал. Он знал, что я не терплю вопросов.

- Штрафные санкции за нарушение?

- Десятикратный размер инвестиций и возврат бюро "Наследие" в мое полное владение. Контракт должен быть безупречным, без единой лазейки. И отправьте его на электрон-

ную почту фонда "Возрождение" сегодня же.

Когда юрист ушел, я остался один. Я сделал то, что она просила. Я перевел все в официальную плоскость. Теперь мяч на ее стороне. Она будет изучать этот документ, взвешивать каждое слово. Она увидит пункт о запрете на отношения и поймет, что это клетка. Элегантная, позолоченная, но клетка.

И тут я понял, что Северцев был прав в одном. Я действительно паук, плетущий сети. Но он не учел главного. Моя паутина - самая надежная. В отличие от его грубой силы, которая может сломать жертву, моя сеть усыпляет, обволакивает, делает плен добровольным.

И все же, одного контракта было мало. Северцев не будет сидеть сложа руки. Он будет действовать. Давить, соблазнять, угрожать. Он будет играть на эмоциях. Значит, и мне нужно сделать ход не только на шахматной доске, но и в реальном мире.

Я набрал номер своего помощника.

- Узнай мне все о состоянии здоровья Константина Загорского. Лучшие клиники, лучшие специалисты в области реабилитации после инсульта. В Швейцарии, в Германии. Мне

нужны контакты и возможность организовать консультацию в кратчайшие сроки. Анонимно.

Это будет мой следующий шаг. Я предложу ей не просто деньги для бизнеса. Я предложу ей надежду для ее отца. Это то, против чего не устоит ни одна любящая дочь. Это то, чего не сможет предложить ей грубый и прямолинейный Северцев. Он предложил ей корону. А я предложу ей то, что нельзя купить за деньги. Здоровье ее самого близкого человека.

И когда она примет мою помощь, она будет связана со мной не только контрактом. Она будет связана со мной узами благодарности. А это куда более прочные путы, чем любой юридический документ.

Я посмотрел на город. Игра усложнилась. Ставки выросли. И мой интерес к главному призу - Авроре Загорской - перерос из простого желания обладать красивой вещью в настоящую стратегическую задачу. И я решу ее. Как решал все остальные. Холодно, расчетливо и без права на проигрыш.

Глава 5. Вкус ее непокорности. Дмитрий

Я вышел из ресторана, и ледяной воздух не остудил, а лишь разжег пожар внутри. Ублюдок Платонов. Он сидел там, в своем идеальном костюме, со своим идеальным лицом, и смотрел на меня, как на грязь под ногтями. Но самое худшее - так же на меня посмотрела и она. Аврора. В ее взгляде не было страха, который я ожидал увидеть. В нем была холодная, звенящая ярость и презрение. Она поставила меня на одну доску с ним. С этим бесчувственным манекеном.

Но ее уход... Черт, это было сильно. Она не расплакалась, не устроила истерику. Она просто встала и ушла, оставив нас, двух гребаных королей этого города, сидеть с открытыми ртами. Я был в ярости. Я был унижен. И я был восхищен до глубины души. Эта женщина - не просто красивое личико. В ней есть стержень из дамасской стали. И от этого я захотел ее еще больше.

Мой первоначальный план - ворваться, шокировать, забрать - не сработал. Она оказалась крепче, чем я думал. Значит, нужно менять тактику. Платонов сейчас сядет в свой

стерильный кабинет и начнет плести свои паучьи сети. Он пришлет ей контракт на двадцати страницах, где мелким шрифтом будет прописано, в каком углу ей стоять и каким воздухом дышать. Он будет действовать через юристов, через помощников, через бездушные бумажки.

А я... я пойду другим путем. Я пойду к ней. Лично.

9- Орлов, адрес Загорской, - рывкнул я в телефон, едва сев в машину. - Жилой адрес. И немедленно.

Через пять минут на мой телефон пришло сообщение с адресом на Петроградской стороне. Старый дом, исторический центр. Это многое объясняло. Она - осколок старого мира, аристократка по духу, вынужденная выживать в наших джунглях.

- Туда, - бросил я водителю.

Пока мы ехали через пробки, я пытался выстроить план. Что я ей скажу? Повторю свое предложение? Нет, это глупо. Словами ее не проймешь. Ей нужны действия. Ей нужно показать, что я не просто очередной богатый хмырь, который хочет ее купить. Ей нужно показать, что я понимаю ее. Понимаю ее боль.

Я вспомнил строчку из досье. Отец. Архитектор. Бюро "Наследие". Вот ключ. Не деньги. Не власть. А наследие ее отца.

Добравшись до нужного адреса, я вышел из машины. Старый, но красивый доходный дом с атлантами, поддерживающими балкон. Парадная с потертыми мраморными ступенями и старым лифтом, который скрипел так, будто вот-вот испустит дух. Все это было так не похоже на мой мир из стекла и бетона. Этот дом дышал историей. Дышал ею.

Я поднялся на ее этаж и нажал на кнопку звонка. Сердце почему-то забилося быстрее, как у мальчишки. Я, Дмитрий Северцев, который без дрожи в голосе сносил целые кварталы и увольнял сотни людей, сейчас волновался, стоя перед обшарпанной дверью.

Дверь открыла она. Аврора. Она была уже без своего строгого костюма. На ней были простые джинсы и серая кашемировая водолазка, которая облегла ее стройную фигуру и высокую грудь. Волосы были распущены и падали на плечи платиновым водопадом. Без своей "брони" она выглядела моложе, уязвимее. Но только на первый взгляд.

Когда она увидела меня, ее лицо окаменело. Небесно-голубые глаза превратились в два кусочка льда.

- Что вы здесь делаете? - ее голос был тихим, но в нем звенел металл.

- Пришел поговорить. Без свидетелей, - я намеренно понизил голос, сделал его более вкрадчивым. Я не хотел ее пугать. Я хотел ее заинтриговать.

- Нам не о чем говорить. Уходите, или я вызову полицию.

Она попыталась закрыть дверь, но я выставил руку, не давая ей этого сделать. Я не применял силу, просто держал ладонь на кромке двери.

- Аврора, не надо, - сказал я мягко. - Я не причиню тебе вреда. Дай мне пять минут. Всего пять минут твоего времени. Если после этого ты захочешь, чтобы я ушел, я уйду и больше никогда не появлюсь на твоём пороге.

Я смотрел ей прямо в глаза, пытаюсь пробиться через ее ледяную защиту. Я видел, как она колеблется. Ее гордость требовала захлопнуть дверь перед моим носом. Но любопытство и, возможно, отчаяние, заставили ее помедлить.

- Четыре, - отрезала она, но дверь все же приоткрыла, пропуская меня в тесную прихожую.

Квартира была такой же, как и дом. Старая, с высокими потолками, лепниной и запахом книг и чего-то еще, неуловимо домашнего. На стенах висели старые фотографии, чертежи зданий. Мир ее отца.

- Я не буду повторять свое предложение, - начал я, не дожидаясь, пока она что-то скажет. Я повернулся к ней. Мы стояли в метре друг от друга, и я чувствовал напряжение, исходящее от нее. - Я пришел сказать тебе, что я понимаю.

- Вы ничего не понимаете, - отрезала она.

- Я понимаю, что "Наследие" - это не просто бизнес. Это память о твоём отце. Это его жизнь. И я знаю, что Платонов предложил тебе сделку. Он спасет бюро, а ты станешь его собственностью, его красивой вещью, которую он будет выгуливать на приемах. Он не даст тебе ничего сделать самой. Он все заберет под свой контроль. Всегда так делает.

Я видел, что мои слова попали в цель. Она не ответила, лишь плотнее сжала губы.

- Я предлагаю другое, - я сделал шаг к ней, сокращая дистанцию. Она не отступила. Смелая. - Я не хочу забирать у тебя дело твоего отца. Я хочу его тебе вернуть. Я вкладываю

деньги, а ты - управляешь. Ты, Аврора. Ты станешь главой. Ты будешь принимать решения. Ты возродишь "Наследие" и сделаешь его еще более великим. Твой отец будет тобой гордиться.

Я намеренно ударил по самому больному. По ее любви к отцу. В ее глазах что-то дрогнуло. Лед на мгновение треснул, и я увидел за ним боль и отчаянную надежду.

- А цена? - прошептала она. - Какова цена этой... щедрости?

Я сделал еще один шаг. Теперь между нами оставались считанные сантиметры. Я чувствовал тепло ее тела, вдыхал ее тонкий, свежий аромат. Я поднял руку и, прежде чем она успела отшатнуться, коснулся кончиками пальцев ее щеки. Ее кожа была как шелк. Она вздрогнула, но не отстранилась. Замерла, как испуганная птица.

- Цена... - мой голос стал хриплым от желания, которое захлестнуло меня с головой. Я хотел ее. Здесь. Сейчас. В этой старой прихожей. Хотел повалить ее, сорвать эту серую водолазку и увидеть ее тело. Хотел услышать, как ее ледяной тон сменится стоном. - Цена - ты. Но не так, как ты думаешь. Я не хочу тебя в клетку. Я хочу видеть рядом с собой королеву. Сильную, страстную, живую. Я хочу, чтобы ты была со

мной. Не по контракту. А по-настоящему.

- Я вас не знаю, - ее голос дрожал, но она все еще пыталась сопротивляться.

- Узнаешь, - прошептал я, наклоняясь к ее уху. Мои губы почти коснулись ее кожи. - Ты узнаешь меня так, как не знал еще никто. Я покажу тебе мир, о котором ты даже не догадываешься. Мир, где нет страха и долгов. Мир, где ты сможешь быть собой.

Я убрал руку и отступил на шаг, давая ей возможность дышать. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, ее грудь тяжело вздымалась. Я видел, что она напугана и заинтригована. Мои слова, мое прикосновение, мое вторжение - все это выбило ее из привычного мира, заставило почувствовать то, чего она, скорее всего, никогда не чувствовала.

- Подумай, Аврора, - сказал я уже с порога. - Платонов предлагает тебе золотой ошейник. Я предлагаю тебе трон. Выбор за тобой.

Я вышел, не дожидаясь ответа. Я оставил ее одну, в ее тихой квартире, со своими мыслями и с отголоском моего прикосновения на ее коже.

Я знал, что поступил рискованно. Нагло. Я перешел все границы. Но с такими женщинами, как она, по-другому нельзя. Ее нужно было встряхнуть, вырвать из ее мира холодного расчета и отчаяния.

Спускаясь по лестнице, я чувствовал себя победителем. Платонов пришлет ей бумажку. А я пришел к ней сам. Он говорил о бизнесе. А я говорил о ней, о ее отце, о ее будущем. Он апеллировал к ее разуму. А я - к ее сердцу и ее страхам.

Война началась. И я только что нанес первый удар. Прямо в сердце вражеской территории. И я знал, что она не забудет этого визита. Она будет думать обо мне. Ненавидеть меня. Бояться меня. И... желать. Даже если сама себе в этом еще не признается.

Глава 6. Цена молчания. Аврора

Он ушел. Дверь за ним закрылась, но его присутствие, его запах - терпкий, мужской, с нотками дорогого парфюма и чего-то животного - остались в моей прихожей, в моем воздухе. Я стояла, не в силах пошевелиться, и кончики пальцев горели в том месте, где он коснулся моей щеки. Это было мимолетное, почти невесомое прикосновение, но оно ощущалось как клеймо. Метка, которую он оставил на моей территории.

Я отступила назад, пока не уперлась спиной в холодную стену, и медленно сползла по ней на пол. Ноги больше не держали. Дрожь, которую я с таким трудом сдерживала в его присутствии, вырвалась наружу, сотрясая все тело. Я обхватила себя руками, пытаюсь унять этот озноб, но он шел изнутри.

Дмитрий Северцев. Он не просто пришел. Он вторгся. Он нарушил единственное правило, которое еще работало в моей разрушенной жизни: мой дом - моя крепость. Он пришел сюда, в мое убежище, и показал, что для него не существует ни стен, ни замков. Он может достать меня где угодно.

Его слова эхом звучали в моей голове. "Платонов предлагает тебе золотой ошейник. Я предлагаю тебе трон". Какая

наглая, чудовищная ложь! Они оба предлагают мне рабство. Просто один хочет запереть меня в элегантной клетке и выставлять напоказ, а второй - накинуть на меня невидимую цепь и держать рядом, как ручную волчицу.

Я ненавидела его. Ненавидела за его самоуверенность, за его хищный взгляд, за то, как он посмел прикоснуться ко мне. Но еще больше я ненавидела себя за то, что на долю секунды, когда он шептал мне на ухо, мое тело предательски откликнулось. Я почувствовала не только страх. Я почувствовала первобытное, темное любопытство. Что это за мир, который он обещает? Что это за страсть, которая плещется в его темных глазах? Эта мысль была омерзительной, и я тут же отогнала ее.

Я заставила себя встать. Нужно мыслить трезво. Эмоции - это роскошь, которую я не могу себе позволить. Я прошла на кухню и налила стакан ледяной воды, выпив его залпом. Холод немного привел меня в чувство.

Итак, что мы имеем? Два предложения. От двух дьяволов.

Я села за старый дубовый стол, на котором папа когда-то раскладывал свои чертежи, и включила ноутбук. В почте уже было письмо. От Мстислава Платонова. Тема: "Проект контракта". Я открыла вложенный файл. Двадцать страниц юри-

дического текста, выверенного до последней запятой.

Я читала его медленно, вдумчиво. Все было именно так, как он и говорил. Он гасит долги, инвестирует огромную сумму. Я - его консультант. И дальше пошли пункты, от которых по коже забегали мурашки. "Сторона 2 обязуется согласовывать со Стороной 1 все свои публичные выступления, публикации и даже внешний вид на совместных мероприятиях". "Сторона 2 не имеет права вступать в романтические, интимные и иные близкие отношения с третьими лицами мужского пола на весь срок действия контракта". "В случае нарушения..." - дальше шли цифры с таким количеством нулей, что у меня потемнело в глазах.

Это был не контракт. Это был акт о купле-продаже. Он покупал мою жизнь на год. Мою свободу, мои чувства, мое тело. Он ставил меня в рамки, заковывал в юридические кандалы. Но эти кандалы были понятными. У них были четкие границы. Я знала, что я должна делать, и чего не должна. Это был мир порядка. Холодного, бездушного, но порядка. И в конце этого года, если я выдержу, "Наследие" будет спасено, а я буду свободна.

А что же Северцев? У меня не было от него контракта. У меня было лишь воспоминание о его хриплом шепоте и горящем взгляде. Он не предлагал порядка. Он предлагал ха-

ос. Он говорил о троне, но я понимала, что королева на его троне будет править лишь до тех пор, пока угодна своему королю. Его условия были не на бумаге. Они были в его глазах. "Будь моей". А что это значит? Сегодня - быть его спутницей. Завтра - его любовницей. А послезавтра? Что, если я ему надоем? У него нет контракта, нет обязательств. Он просто вышвырнет меня, оставив себе "Наследие" в качестве трофея.

Риск был колоссальным. Но и приз "Ты будешь принимать решения. Ты возродишь "Наследие". Эта фраза была сладким ядом. Он бил по самому главному - по моей мечте, по моему долгу перед отцом. Платонов предлагал спасти бизнес. А Северцев предлагал мне самой стать спасительницей.

Я закрыла ноутбук и откинулась на спинку стула. Голова гудела. Лед или пламя? Расчетливый паук или непредсказуемый тигр? Золотая клетка или джунгли, где я могу стать королевой, а могу быть съеденной в первую же ночь?

Я встала и подошла к окну. Вечерний город зажигал огни. Где-то там, в своих башнях из стекла и стали, сидели они. И ждали. Ждали моего решения. Они думали, что я сижу здесь, в своей старой квартире, и, как испуганная мышь, выбираю, в какую из двух мышеловок мне угодить.

Но что, если я не мышь? Что, если я - игрок, которому просто сдали плохие карты? Хороший игрок может выиграть и с плохими картами. Нужно просто блефовать. Нужно заставить их играть по моим правилам.

Идея родилась внезапно. Дерзкая, безумная, опасная. Что, если не выбирать? Что, если... использовать одного против другого?

Я не могу просто отказать им обоим. Они этого не простят. Их самолюбие будет уязвлено, и они, объединившись, с легкостью уничтожат и меня, и "Наследие". Значит, мне нужно выбрать сторону. Временно. Мне нужен союзник. Но союзник, которого я смогу контролировать.

Кто из них более предсказуем? Платонов. Его мир подчинен логике и контрактам. Он будет действовать по правилам, пусть даже и по своим собственным. Он - управляемый риск. Северцев - это стихия. Неконтролируемая, разрушительная. Связаться с ним - все равно что заключить сделку с ураганом.

Решение пришло само. Холодное, выверенное, как будто его принял не мой испуганный разум, а калькулятор, который я на мгновение позаимствовала у Мстислава Платонова.

Я выберу его. Я приму его унижительные условия. Я войду в его золотую клетку. Но я сделаю это не как жертва. Я сделаю это как шпион, проникший на вражескую территорию. Я буду рядом с ним. Я изучу его. Я найду его слабости. И я использую его ресурсы, его власть, чтобы не просто спасти "Наследие", а чтобы стать силой, с которой придется считаться им обоим. Я заставлю его заплатить за каждую минуту моего унижения.

А Северцев... Он станет моим невольным оружием. Его ревность, его ненависть к Платонову, его одержимость мной - все это можно использовать. Я буду держать его на расстоянии, но давать ровно столько надежды, чтобы он не оставил меня в покое. Чтобы он продолжал мешать Платонову, создавая хаос, который будет мне на руку.

Это была опасная игра. Игра на лезвии ножа. Я могла сорваться и погибнуть. Но альтернатива - сидеть и ждать, пока меня раздавят - была еще хуже.

Я взяла телефон. Мои руки больше не дрожали. Внутри воцарился ледяной штиль. Я нашла в списке контактов номер, который мне дал ассистент Платонова после аукциона. Его личный номер.

Я нажала на кнопку вызова. Гудки казались оглушительно

громкими в тишине моей квартиры.

- Платонов на связи, - его голос в трубке прозвучал так же холодно и властно, как и в жизни.

Я сделала глубокий вдох. Прощай, прежняя Аврора Загорская. Прощай, наивная девочка, верившая в справедливость.

- Господин Платонов. Это Аврора, - мой голос звучал ровно и спокойно. Я сама себе удивлялась. - Я прочла ваш контракт. Я принимаю ваши условия.

Глава 7. Ледяное удовлетворение. Мстислав

Я сидел в своем кабинете, когда раздался звонок. На дисплее высветился ее номер. Я позволил телефону проиграть мелодию еще несколько секунд, наслаждаясь моментом. Я знал, что она позвонит. Это был лишь вопрос времени. Северцев со своим пещерным нахрапом мог напугать ее, но не убедить. Страх проходит, а цифры в контракте остаются. Я сделал ставку на ее разум, а не на эмоции. И я всегда выигрываю, когда ставлю на разум.

- Платонов на связи, - ответил я, мой голос был воплощением спокойствия.

- Господин Платонов. Это Аврора. Я прочла ваш контракт. Я принимаю ваши условия.

Ее голос был таким же ровным и холодным, как и мой. Ни тени сомнения, ни нотки страха. Она не просила, не умоляла, не торговалась. Она констатировала факт. Словно речь шла о покупке пакета акций, а не о продаже собственной жизни на год. И это снова вызвало во мне укол невольного уважения. Она приняла правила игры.

- Я не сомневался в вашем благоразумии, Аврора, - ответил я. - Жду вас завтра в моем офисе. В девять утра. Для подписания документов.

- Я буду, - коротко ответила она и повесила трубку.

Я положил телефон на стол и позволил себе легкую, почти незаметную улыбку. Первый раунд остался за мной. Северцев проиграл. Он действовал как варвар, а я - как стратег. И теперь главный приз в моих руках. Точнее, почти в руках. Осталась формальность. Подпись.

На следующий день ровно в 8:59 моя секретарша доложила, что прибыла мисс Загорская.

- Проводите, - приказал я, отрываясь от монитора.

Она вошла. Сегодня на ней было строгое черное платье-футляр. Ничего лишнего. Волосы снова собраны в безупречный узел. Она была похожа на скорбную королеву, идущую на собственную казнь с высоко поднятой головой. Ее лицо было бледным, но спокойным. Только плотно сжатые губы выдавали внутреннее напряжение.

- Аврора, доброе утро. Прошу, - я указал на кресло на-

против моего стола.

Она села, положив на колени небольшую сумку. Ее спина была идеально прямой. Она не смотрела на меня, ее взгляд был устремлен на контракт, который лежал на полированной поверхности стола между нами.

- Мои юристы подготовили все бумаги, - начал я деловым тоном. - Все долговые обязательства "Наследия" будут погашены в течение двадцати четырех часов после подписания. Первый транш инвестиций поступит на счет бюро до конца недели.

- Я понимаю, - тихо ответила она.

- Прочтите еще раз, если хотите. Убедитесь, что вас все устраивает.

- Я читала его вчера. Всю ночь, - в ее голосе проскользнула едва уловимая горечь. - Каждый пункт. Каждое слово.

Я взял со стола дорогую перьевую ручку Parker и протянул ей.

- Тогда осталось поставить вашу подпись.

Она посмотрела на ручку, затем перевела взгляд на меня. Впервые за это утро. И я снова утонул в этих бездонных голубых глазах. В них не было мольбы. В них был вызов. Словно она говорила: "Ты думаешь, ты победил? Это только начало".

Она взяла ручку. Ее пальцы были ледяными, когда они на мгновение коснулись моих. Она открыла последнюю страницу контракта и нашла место для подписи. На секунду она замерла, ее рука с ручкой зависла над бумагой. Я видел, как на ее шее бьется тонкая жилка. Весь ее мир сейчас сузился до этой строчки. Последний миг свободы.

И затем, с резким, отточенным движением, она расписалась. Красивый, каллиграфический росчерк. Аврора Загорская.

Дело сделано.

Она молча отодвинула от себя контракт и положила ручку на стол.

- Что дальше? - спросила она, и в ее голосе не было ничего, кроме деловой сухости.

- А дальше, Аврора, начинается ваша работа, - я встал из-

за стола и обошел его, останавливаясь рядом с ее креслом. Она напряглась, но не сдвинулась с места. Я намеренно вторгся в ее личное пространство, нависая над ней. Я чувствовал тонкий аромат ее духов, видел несколько платиновых волосков, выбившихся из прически. Мне отчаянно захотелось протянуть руку и коснуться ее шеи, почувствовать ее пульс под своими пальцами. Но я сдержался. Еще не время.

- Ваша первая задача как моего консультанта, - продолжил я, понизив голос, - это подготовка к ежегодному приему в честь нашего фонда. Он состоится через две недели. Вы будете сопровождать меня. И вы должны выглядеть безупречно.

Я отошел от нее и нажал кнопку на селекторе.

- Анна, пригласите мадмуазель Роше.

Дверь открылась, и в кабинет вошла элегантная француженка лет пятидесяти. Это была Амели Роше, лучший стилист в Москве, которая работала только с самыми избранными клиентами.

- Аврора, познакомьтесь, это Амели. Она займется вашим гардеробом. Начиная с сегодняшнего дня, - я снова посмотрел на Аврору. На ее лице не дрогнул ни один мускул, но

я видел, как в ее глазах потемнел лед. Она поняла. Я забираю под контроль не только ее время. Я забираю ее образ. Ее внешность.

- Бонжур, мадмуазель, - проворковала Амели, оглядывая Аврору с ног до головы профессиональным взглядом. - У вас прекрасные данные. Кожа, фигура, цвет волос... Мы сделаем из вас бриллиант.

- Амели отвезет вас в свой салон, - продолжил я, игнорируя унижение, которое, я знал, сейчас испытывает Аврора. - Она подберет все необходимое. Вечерние платья, деловые костюмы, повседневную одежду. Все расходы, разумеется, на мне. Считайте это частью вашего рабочего инвентаря.

Я подошел к ней снова и протянул ей платиновую кредитную карту.

- Это для ваших личных расходов. Лимита нет.

Она посмотрела на карту, потом на меня. В ее взгляде читалось отвращение. Она не хотела брать ее. Но она была умна. Она понимала, что отказ будет нарушением субординации. После секундного колебания она взяла карту, стараясь не коснуться моих пальцев.

- Хорошо, - только и сказала она.

- Отлично. Тогда можете идти. Мой водитель ждет вас внизу, он отвезет вас и Амели. Вечером он доставит вас домой. И, Аврора... - я сделал паузу, заставив ее снова посмотреть на меня. - С этого момента ваш телефон должен быть включен двадцать четыре часа в сутки. Я могу позвонить в любое время.

Это был последний штрих. Тотальный контроль. Она молча кивнула, встала и, не прощаясь, направилась к выходу в сопровождении щебечущей Амели.

Когда дверь за ней закрылась, я вернулся за свой стол. Я смотрел на ее подпись на контракте. Я победил. Я получил то, что хотел. Но почему-то вместо чистого удовлетворения я чувствовал нечто иное. Странное, почти забытое чувство азарта. Она подчинилась, но не покорилась. Она приняла мои правила, но я видел в ее глазах, что она не сдалась. Она будет бороться. Тихо, изнутри, но будет.

И это делало ее еще более желанной.

Я снова взял телефон и набрал другой номер.

- Доктор Ланге, добрый день. Это Мстислав Платонов. Я

говорил с вами по поводу одного пациента из России. Константин Загорский. Да, я хотел бы, чтобы вы провели заочную консультацию по его документам. И если прогноз будет благоприятным, я хочу организовать его транспортировку в вашу клинику в Цюрихе. В кратчайшие сроки. Все расходы я беру на себя.

Я положил трубку. Контракт - это кнут. Карта и стилист - позолота на клетке. А здоровье отца - это будет тот пряник, от которого она не сможет отказаться. Это будет тот крючок, который вонзится ей прямо в сердце.

Она будет ненавидеть меня за то, что я ее купил. Но она будет благодарна мне за то, что я спасаю ее отца. И на этом переплетении ненависти и благодарности я построю нашу связь. Я привяжу ее к себе так крепко, что она уже никогда не сможет уйти. Даже когда срок контракта истечет.

Я посмотрел на город за окном. Моя империя. И теперь в ней появился новый, самый ценный актив. Аврора Загорская. Мой личный, непокорный трофей. Игра только начинается.

Глава 8. Ярость зверя. Дмитрий

Я сидел в тонированном внедорожнике напротив башни "Империя", где располагался офис Платонова. Сидел уже второй час. Мои люди доложили, что она вошла в здание в 8:59. И пока не выходила. Ярость сжигала меня изнутри. Я сжимал кулаки с такой силой, что на ладонях образовались кровавые полумесяцы от ногтей.

Она выбрала его.

Эта мысль билась в мозгу раскаленным гвоздем. После моего визита, после моих слов, после того, как я, черт побери, обнажил перед ней не только свои намерения, но и свое понимание ее ситуации, она все равно поползла к нему. Поползла в его ледяную паутину. Она выбрала клетку. Она продала себя этому бездушному манекену за тридцать серебряников, пусть даже с шестью нулями.

Предательство. Я ощущал его почти физически, горьким привкусом на языке. Она предала не меня - мы с ней никто друг другу. Она предала себя. Ту сильную, гордую женщину, которую я увидел на сцене и у порога ее квартиры. Она сломалась. Или, что еще хуже, даже не пыталась бороться.

Я уже готов был сорваться с места, ворваться в его гребанный офис и вытащить ее оттуда за волосы, наплевав на охрану и последствия. Но я заставил себя сидеть. Насилием я ничего не добьюсь. Лишь окончательно оттолкну ее, докажу, что я тот самый зверь, которым она меня, скорее всего, и считает. Нет. Нужно действовать тоньше. Но не менее решительно.

Наконец, спустя почти три часа, двери небоскреба разъехались. Она вышла. Рядом с ней семенила какая-то разодетая француженка. Аврора была бледной, ее лицо - непроницаемой маской. Но я видел, как она держит спину - слишком прямо, слишком напряженно. Ее вели на заклание, и она это знала.

Они сели в черный "Майбах" Платонова. Мой водитель тут же, без команды, тронулся следом. "Хороший мальчик", - мысленно похвалил я его. Мы ехали через весь город, и я, как одержимый, не сводил глаз с машины, в которой она сидела. Моя женщина. В машине моего врага. Едет тратить его деньги на тряпки, в которые он ее нарядит, как куклу. От этой мысли кровь застучала в висках.

Они приехали в один из самых дорогих закрытых шоу-румов в центре. Я велел водителю остановиться на другой стороне улицы. Я ждал. Час. Два. Три. Я отменил все встре-

чи, наплевал на все дела. Сейчас в мире существовала только она.

Когда они вышли, в руках у француженки и подоспевшего водителя были десятки коробок и чехлов с одеждой. Аврора шла с тем же каменным лицом. Они снова сели в машину и поехали в сторону ее дома.

Вот он. Мой шанс.

- Езжай за ними. Когда она выйдет из машины, остановишься за углом. Дальше я сам, - приказал я.

Мы приехали в ее двор за минуту до них. Я вышел из машины и встал в тени арки, ведущей во двор. Сердце колотилось в груди, как боевой барабан. Адреналин охоты.

"Майбах" остановился у ее подъезда. Водитель вышел, открыл для нее дверь. Она вышла, не взглянув на него, и направилась к парадной. Водитель начал выгружать коробки.

Я вышел из тени ей наперерез.

- Аврора.

Она резко остановилась и вздрогнула, увидев меня. В

ее глазах на мгновение мелькнул испуг. Чистый, животный страх. И это ударило по мне сильнее, чем ее презрение в ресторане. Она меня боится.

- Что вам нужно? - ее голос был едва слышным шепотом.

- Поговорить, - я подошел к ней вплотную, отрезая путь к отступлению. Водитель Платонова замер с коробками в руках, но вмешиваться не решался. Он знал, кто я. - Я вижу, ты не теряла времени даром. Уже потратила первые иудины сребреники?

Я намеренно говорил жестоко, зло. Я хотел пробить ее броню, заставить ее почувствовать хоть что-то, кроме этого ледяного безразличия.

- Это вас не касается, - она попыталась обойти меня.

Я схватил ее за руку. Не грубо, но властно. Ее тонкое запястье было таким хрупким в моей ладони. Она замерла, ее дыхание сбилось.

- Еще как касается, - прорычал я ей в лицо, понизив голос, чтобы слышала только она. - Ты сделала выбор. Ты выбрала его. Ты променяла свободу, которую я тебе предлагал, на этот золотой ошейник. Почему, Аврора?

Она молчала, глядя куда-то мне за плечо. Ее гордый профиль в свете уличного фонаря был совершенен.

- Отвечай мне! - я чуть сильнее сжал ее руку.

- Пустите меня, - прошипела она, наконец посмотрев на меня. И в ее глазах я увидел не только страх, но и ненависть. - Вы не имеете права меня трогать. Я вам ничего не должна.

- Не должна? - я усмехнулся. - Ты права. Ты должна теперь только ему. Что он приказал тебе сегодня? Улыбаться? Молчать? А что прикажет завтра? Раздеться? Встать на колени?

Каждое мое слово было ядом. Я видел, как она побледнела еще сильнее. Я был жесток, я понимал это. Но я не мог остановиться. Ревность и уязвленная гордость сжигали меня.

- Вы... чудовище, - выдохнула она.

- Да. Я чудовище. А он - святой, да? Он, который купил тебя с потрохами и прописал в контракте, каким цветом должно быть твое белье? Не обманывай себя, Аврора. Мы оба чудовища. Только я свое лицо не прячу под маской благодетеля.

Я отпустил ее руку. Она отшатнулась от меня, потирая запястье.

- Я не хочу тебя пугать, - сказал я уже спокойнее, пытаюсь вернуть контроль над собой. - Я хочу, чтобы ты поняла. Ты совершила ошибку. Он тебя уничтожит. Он выпьет из тебя всю жизнь, всю твою страсть, и оставит пустую, красивую оболочку. Я видел, что он делает с людьми.

Я заглянул ей в глаза.

- Этот контракт - не приговор. Любую бумажку можно разорвать. Любую сделку можно отменить. Пока ты не переступила последнюю черту, у тебя еще есть выход. И этот выход - я.

Водитель Платонова, видя, что я ее отпустил, осмелел и двинулся к нам.

- У мисс Загорской был тяжелый день, - сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. - Ей нужно отдохнуть.

Я испепелил его взглядом.

- Пошел вон. Пока я не засунул эти коробки тебе в глотку.

Мужчина побледнел и отступил на шаг. Я снова повернулся к Авроре.

- Он не оставит тебя в покое. Он будет контролировать каждый твой шаг. Но помни, Аврора. Он владеет твоей подписью. Но он не владеет тобой. Не позволяй ему залезть тебе в голову. И знай, что я рядом. Я буду ждать. И когда ты поймешь, в какую ловушку попала, когда тебе понадобится помощь, - я протянул ей свою визитку. - Позвони. В любое время дня и ночи. Я приду. И заберу тебя из этого ада.

Она не взяла визитку. Она просто смотрела на меня, и я не мог прочесть выражение ее лица.

Я не стал настаивать. Я вложил визитку в карман ее пальто.

- Это не конец, Аврора. Это только начало нашей с тобой истории. А Платонов в ней - лишь досадное недоразумение.

Я развернулся и пошел к своей машине, не оглядываясь. Я оставил ее стоять посреди двора, рядом с горой коробок от кутюр и верным псом ее нового хозяина.

Я проиграл битву. Но я не проиграл войну. Сегодня я посеял в ее душе семя сомнения. Я показал ей, что есть аль-

тернатива. Я напомнил ей, что она не одна в этой игре. И теперь, каждый раз, когда ледяные пальцы Платонова будут сжиматься на ее горле, она будет вспоминать мои слова. Она будет вспоминать жар моего прикосновения. И она будет думать.

А я буду ждать. И готовить свой следующий ход. Я вырву ее у него. Это стало делом чести. Это стало моей единственной целью. Моей одержимостью.

Глава 9. Визитка в кармане. Аврора

Я вышла из башни "Империя", и мне показалось, что я вышла из другого мира. Воздух был тот же, небо над головой - то же, но я была уже другой. На моей душе, на моей свободе стояла подпись. Акт о владении, как назвал бы это Платонов. В сумочке лежала безлимитная кредитная карта, а впереди ждал день, расписанный не мной. День унижения, облаченного в дорогие бренды.

Поездка с Амели Роше была пыткой. Эта женщина-птичка щебетала без умолку о трендах, тканях и крое, а я сидела на заднем сиденье "Майбаха" и смотрела в окно на город, который больше мне не принадлежал. Она не видела во мне человека. Я была для нее манекеном, холстом, на котором она, по приказу своего хозяина, должна была нарисовать шедевр.

Шоу-рум был похож на храм моды. Шелк, кашемир, кружева... Меня раздевали и одевали, крутили перед зеркалами, закалывали булавками. Я молчала. Я превратилась в куклу, которая не чувствует и не думает. Это была моя единственная защита - отстраниться, заморозить все внутри. Амели

восхищалась моей фигурой, моей кожей, а я смотрела на свое отражение в зеркале и не узнавала себя. На меня смотрела дорогая, холеная женщина в платье, которое стоило больше, чем моя семья зарабатывала за год. И в ее глазах была пустота.

Когда водитель высадил меня у дома и начал заносить коробки, я почувствовала лишь одно - глухую, всепоглощающую усталость. Я пережила этот день. Первый день моего рабства. Осталось еще триста шестьдесят четыре.

И тут из тени вышел он. Дмитрий Северцев.

Сердце пропустило удар, а потом забилось часто-часто, как пойманная птица. Страх. Липкий, холодный, он сковал мои конечности. Я боялась его первобытной силы, его непредсказуемости.

Его слова были как удары хлыста. "Иудины сребреники", "золотой ошейник". Он бил по самым больным местам, срывая с меня мою защитную броню безразличия. А потом он схватил меня за руку. Его хватка была сильной, его ладонь - горячей. И этот жар, эта живая, опасная энергия, казалось, проникла сквозь кожу прямо в кровь. Я смотрела в его темные, горящие яростью и чем-то еще глаза, и тонула. Он был чудовищем, как я и сказала. Но его слова о Платонове они

были правдой. "Он пропишет в контракте, каким цветом должно быть твое белье". Он почти угадал.

Когда он отпустил меня и ушел, оставив в кармане моего пальто свою визитку, я еще долго стояла на месте, не в силах пошевелиться. Водитель Платонова молча занес все коробки в квартиру и, не говоря ни слова, уехал. Я осталась одна, посреди прихожей, заваленной доказательствами моего падения.

Я зашла в свою комнату и вытащила из кармана его визитку. Черный картон, серебряное тиснение. Дмитрий Серверцев. И номер телефона. Он сказал: "Позвони. Я приду". Он предлагал побег. Но побег из одной клетки в другую, еще более страшную и непредсказуемую.

Скомкав визитку, я хотела выбросить ее. Но рука замерла. Я не могла. Это была не надежда. Это было оружие. Напоминание о том, что у меня есть еще одна, пусть и самоубийственная, опция. Я разгладила картонку и спрятала ее в шкапулку с маминими украшениями. На самый черный день.

Остаток вечера я провела в тумане. Разобрала коробки, развесила на вешалки платья, которые казались мне чужими. Броня из шелка и кашемира. Моя новая униформа. Потом я пошла к отцу. Он сидел в своем кресле у окна и смотрел

на улицу.

- Привет, пап, - я села на стул рядом и взяла его за руку. Его пальцы были слабыми, но теплыми.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Его взгляд был осмысленным, редкий проблеск сознания в тумане его болезни. В его глазах стоял немой вопрос.

- Все хорошо, папочка, - я сглотнула ком в горле. - У нас все будет хорошо. У "Наследия" появился инвестор. Очень... солидный. Мы выкарабкаемся. Ты слышишь? Мы все вернем.

Он слабо сжал мою руку, и по его щеке скатилась слеза. Я не выдержала, уткнулась ему в колени и впервые за этот бесконечный день дала волю слезам. Я плакала молча, беззвучно, сотрясаясь всем телом. Я плакала о своей потерянной свободе, о своем унижении, о страхе, который поселился в моей душе. Но я плакала и от облегчения. Я сделала это ради него. Ради этого момента. Ради этой слабой ответной хватки. И значит, все было не зря.

Поздно вечером, когда я уже лежала в постели и пыталась уснуть, зазвонил телефон. На экране высветилось: "Мстислав Платонов".

Мое тело мгновенно напряглось. Я взяла трубку..

- Слушаю.

- Аврора. Надеюсь, ваш день прошел продуктивно, - его голос сочился ледяным спокойствием.

- Вполне, - ответила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

- Хорошо. Завтра в семь вечера вы сопровождаете меня на ужине с послом Франции. Платье номер три из тех, что подобрала Амели. Черное, в пол. Водитель заедет за вами в шесть. Будьте готовы. Он не спросил, свободна ли я. Он не поинтересовался моим мнением. Он отдал приказ и повесил трубку.

Я отняла телефон от уха и уставилась в потолок. Вот она, моя новая реальность. Короткие приказы по телефону. Платья под номерами. Жизнь по чужому расписанию. А в шкапулке лежит черный прямоугольник картона с обещанием огненного хаоса.

Я оказалась зажата между двумя жерновами. Ледяной тиран, который владеет моей подписью. И огненный дьявол,

который хочет владеть моей душой. Они думают, что играют со мной. Они думают, что я их трофей.

Но лежа в темноте своей комнаты, я дала себе клятву. Я выживу. Я использую их ненависть друг к другу, их одержимость мной. Я научусь носить эту броню из шелка так, чтобы они не увидели под ней сталь. Они начали эту войну за меня. Но я закончу ее. На своих условиях.

Глава 10. Демонстрация власти. Мстислав

Ровно в шесть вечера мой водитель доложил, что Аврора села в машину. Я стоял у панорамного окна в своем кабинете, глядя на зажигающиеся огни города. Сегодня был важный вечер. Не из-за ужина с посланцем - подобные мероприятия были для меня рутиной. Сегодня был первый публичный выход моего нового, самого ценного актива. Первая демонстрация моего полного и абсолютного владения.

Я спустился вниз, когда ее машина подъехала к центральному входу. Шофер открыл для нее дверь, и она вышла. На мгновение я замер. Я видел это платье на эскизах Амели, я лично одобрил его выбор. Но я не был готов к тому, какой эффект оно произведет в реальности.

Черный шелк струился по ее телу, облекая каждый изгиб, каждую линию. Длинные рукава, закрытая зона декольте, но полностью открытая спина - смелый, элегантный и невероятно сексуальный вырез до самой поясницы. Платье было само совершенство, но оно было лишь оправой. Бриллиантом была она. Ее платиновые волосы были собраны в сложный, высокий узел, открывая длинную, изящную шею и безупреч-

ную линию плеч. На шее - тонкая бриллиантовая нить, единственное украшение, которое я велел Амели подобрать. Макияж был сдержанным, подчеркивающим лишь ее невероятные глаза и чувственные губы.

Она была произведением искусства. Холодным, отстраненным, идеальным. Моим произведением.

Она подошла ко мне, и я уловил тонкий, едва заметный аромат ее духов - что-то свежее, с нотками бергамота и жасмина. Запах чистоты и непокорности.

- Добрый вечер, господин Платонов, - ее голос был ровным, но я заметил, как напряжены ее плечи под тонкой тканью. - Вы выглядите безупречно, Аврора, - сказал я, и это была чистая правда. Я позволил своему взгляду скользнуть по ней, оценивая и одобряя. - Как и подобает моему консультанту.

Я увидел, как в ее глазах мелькнула тень. Она поняла. Я не сделал ей комплимент как женщине. Я похвалил ее как дорогую вещь, которая соответствует заявленным характеристикам.

Я протянул ей руку. После секундного колебания она вложила свои пальцы в мою ладонь. Ее рука была ледяной. Я

сжал ее чуть крепче, чем требовалось, и повел к ожидавшему нас автомобилю. Всю дорогу до французского посольства мы молчали. Я не пытался завязать разговор. Тишина была еще одним инструментом контроля. Я чувствовал ее напряжение, ее скованность. Она сидела рядом, прямая, как струна, и смотрела в окно. Я же смотрел на нее. На то, как свет уличных фонарей скользит по ее профилю, по нежной коже открытой спины. Желание коснуться этой кожи было почти невыносимым. Но я - мастер контроля. Не только над другими, но и над собой. Всему свое время.

Прием в посольстве был предсказуемо скучным. Фальшивые улыбки, пустые разговоры, звон бокалов. Но сегодня все было иначе. Когда мы вошли в зал, все взгляды обратились на нас. Точнее, на нее. Мужчины смотрели с откровенным вожделением, женщины - с завистью и любопытством. Аврора Загорская, скромный куратор фонда, в объятиях ледяного короля Мстислава Платонова. Это была сенсация. И все это понимали.

Я наслаждался этим. Каждый взгляд, брошенный на нее, был подтверждением моей власти. Она моя. И теперь это знают все.

- Мстислав, дорогой! Какую очаровательную спутницу вы от нас скрывали! - проворковала жена одного из банкиров,

пожирая Аврору глазами.

- Позвольте представить, - мой голос звучал ровно, моя рука властно лежала на ее талии, на границе, где заканчивался шелк платья и начиналась теплая кожа ее спины. Я почувствовал, как она вздрогнула от моего прикосновения, но не посмела отстраниться. - Аврора Загорская. Мой новый консультант по вопросам искусства и благотворительности.

Я намеренно подчеркнул ее статус. Не любовница. Не подруга. Сотрудник. Это было еще более интригующе и унижительно для нее.

К моему удивлению, она играла свою роль идеально. Она улыбалась вежливой, отстраненной улыбкой. Поддерживала светскую беседу. Когда подошел посол, она с легкостью перешла на безупречный французский, обсуждая с ним какую-то выставку в Лувре. Она была умна, образованна, изящна. Она не просто оправдывала мои вложения. Она превосходила их.

Весь вечер я не отпускал ее от себя ни на шаг. Моя рука на ее талии, на ее спине, была постоянным напоминанием - ей и всем остальным - о том, кому она принадлежит. Пару раз я ловил ее взгляд, когда она думала, что я не смотрю. В нем была холодная, тихая ненависть. И это возбуждало меня больше, чем любой восхищенный взгляд любой другой жен-

щины.

Ближе к концу вечера, когда официальная часть закончилась и гости разбились на небольшие группы, я отвел ее в зимний сад. Здесь было тихо и почти никого не было.

- Вы хорошо справились, - сказал я, останавливаясь у фонтана.

- Я выполняю условия контракта, - безразлично ответила она, глядя на струи воды.

- Это больше, чем просто условия контракта, - я подошел к ней ближе, вставая за ее спиной. Я снова положил руки ей на талию. Она замерла. - Вы - лицо моих проектов. Мое лицо. И я должен быть уверен в вашей... лояльности.

- Моя подпись на документе - достаточная гарантия моей лояльности, - отрезала она.

- Подпись - это формальность. Мне нужно большее.

Она молчала. Я наклонился к ее уху, вдыхая ее аромат.

- Я знаю о вашем отце, Аврора, - прошептал я.

Она резко развернулась, ее глаза расширились от шока и гнева.

- Не смейте...

- Смею, - прервал я ее. - Я не просто знаю. Я уже все организовал. Лучшая реабилитационная клиника в Цюрихе, у профессора Ланге. Он - светило. Он творит чудеса. Он изучил историю болезни вашего отца и дает благоприятный прогноз. Самолет со всем необходимым медицинским оборудованием будет готов через два дня.

Я смотрел на ее лицо, на котором сейчас отражалась целая буря эмоций. Шок. Неверие. Надежда. И чудовищная, всепоглощающая растерянность. Она хотела ненавидеть меня, но я только что дал ей то, о чем она не смела и мечтать.

- Зачем? - прошептала она, ее губы дрожали.

- Я уже говорил. Я инвестор, - я протянул руку и коснулся ее щеки. Она не отшатнулась, слишком ошеломленная новостью. Ее кожа была как бархат. - Мне нужно, чтобы мой главный консультант был полностью сосредоточен на работе, а не отвлекался на семейные проблемы. Считайте это... бонусом. Частью социального пакета.

Я лгал. Это не было бонусом. Это был главный крюк, самая прочная цепь, которую я на нее накидывал. Цепь из благодарности и чувства долга.

- Я... я не могу... - начала она, но ее голос сорвался.

- Вы можете. И примете это. Это не обсуждается. Завтра утром к вам приедет мой помощник со всеми документами и обсудит с вами детали транспортировки. А теперь, - я убрал руку и отступил на шаг, возвращая себе маску холодного босса, - нам пора.

Я повел ее к выходу. Она шла рядом, как во сне. Ее молчание было оглушительным. Я сломал ее. Не грубой силой, как попытался бы Северцев. А точным, хирургическим ударом милосердия.

В машине она по-прежнему молчала. Когда мы подъехали к ее дому, я вышел вместе с ней и проводил ее до дверей квартиры. У порога она остановилась и посмотрела на меня. В свете тусклой лампочки на лестничной клетке я увидел блеск слез в ее глазах.

- Спасибо, - прошептала она. Одно слово. Вымученное, полное боли, ненависти и благодарности одновременно.

Это было слаще любой победы.

Я шагнул к ней вплотную. Она отпрянула, упершись спиной в дверь. Я поднял руку и провел костяшками пальцев по линии ее челюсти, по нежной коже шеи. Она замерла, перестав дышать. Ее пульс бился под моими пальцами, как у пойманной птицы. Я наклонился, наши лица были в сантиметрах друг от друга. Я чувствовал ее теплое дыхание на своих губах. Ее глаза были огромными, испуганными. Она ждала, что я ее поцелую. Я видел это. И я хотел этого. Хотел попробовать на вкус ее губы, ее отчаяние.

Но я отстранился.

- Спокойной ночи, мой консультант, - прошептал я и, не оборачиваясь, пошел вниз по лестнице.

Я оставил ее там, в полумраке, дрожащую, растерянную, раздавленную. Я показал ей, что могу сделать с ней все, что захочу. Могу купить. Могу унижить. Могу спасти. Могу поцеловать. А могу и не делать этого. Потому что она теперь полностью в моей власти. И эта ночь - лишь начало.

Глава 11. План мести. Дмитрий

Я сидел в своем кабинете, больше похожем на пещеру хищника - темное дерево, кожа, приглушенный свет. В руке - стакан с виски, лед в котором давно растаял. На огромном мониторе, встроенном в стену, было одно-единственное изображение. Фотография. Размытая, сделанная папарацци для светской хроники, но от этого не менее убийственная.

Он и она. Мстислав Платонов и Аврора.

Они стоят в зале посольства. Он - в своем безупречном смокинге, с ледяной ухмылкой триумфатора. Его рука лежит на ее обнаженной спине. Властно, собственнически. Она - в черном шелковом платье, которое обнимает ее тело, как вторая кожа. Она похожа на черного лебедя - грациозная, прекрасная и бесконечно печальная. Ее лицо спокойно, но я, тот, кто видел ее настоящий гнев и настоящий страх, вижу за этой маской все. Унижение. Боль. Отчаяние.

Он вывел ее в свет. Он показал всем свою новую игрушку. И от этого зрелища ярость во мне закипела не горячей лавой, как обычно, а превратилась в нечто холодное, острое и смертоносное. В стальной клинок, жаждущий крови. Его крови.

- Он выставил ее, как породистую лошадь на аукционе, - прорычал я в пустоту.

- Он всегда так делает со всем, что считает своим, - раздался спокойный голос Орлова. Мой начальник службы безопасности стоял в дверях, держа в руках планшет. Он вошел так тихо, что я даже не услышал.

- Что еще? - бросил я, не отрывая взгляда от фотографии.

- Она провела с ним весь вечер. Играла роль идеально. По отзывам, очаровала посла. Умная. После приема Платонов отвез ее домой и проводил до квартиры. Наш человек видел, как он уехал через пятнадцать минут. Пятнадцать минут.

Что происходило в эти пятнадцать минут у ее двери? Мысль об этом заставила меня сжать стакан так, что он затрещал. Платонов - не тот, кто будет терять время. Он не стал бы ждать. Он...

- Она все еще девственница, - как будто прочитав мои мысли, добавил Орлов. - Мои источники в его службе безопасности скажем так, у него есть определенные планы на этот счет, но он не торопится. Он любит растягивать удовольствие. Ломать медленно.

Я с размаху поставил стакан на стол. Виски выплеснулся на полированную поверхность.

- Он не прикоснется к ней.

- Дмитрий Игоревич, есть еще кое-что, - Орлов переключил изображение на планшете и протянул его мне. - Это более важно. Платонов организовал для ее отца лечение в Цюрихе. У лучшего специалиста постинсультной реабилитации. Самолет вылетает послезавтра.

Я посмотрел на документы. Вот оно. Удар милосердия. Холодная, расчетливая добродетель. Он не просто купил ее тело контрактом. Он покупает ее душу благодарностью. И это - гениальный и чудовищный ход. Против этого я бессилен. Я не могу предложить ей лучшую клинику. Я не могу перекупить профессора. Он загнал ее в угол, из которого нет выхода. Любая попытка сопротивляться ему теперь будет выглядеть как черная неблагодарность.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. На мгновение я почувствовал себя проигравшим. Он переиграл меня. Снова. Он действовал тонко, а я - как медведь в посудной лавке.

Но потом ярость вернулась, а вместе с ней - холодная, зве-

нящая ясность. Хорошо. Он играет в спасителя. Он лечит тело ее отца. Но что насчет души? Что насчет его наследия?

- Орлов, - я открыл глаза. Мой голос звучал спокойно, почти безжизненно. Это было спокойствие перед бурей. - Ты достал мне архивы бюро "Наследие"?

- Да, Дмитрий Игоревич. Все оцифровано.

- Найди мне его. Главный проект. Тот, который он не успел реализовать. Его мечту. Я читал где-то в старом интервью, что он мечтал построить какой-то мост... "Хрустальный мост", кажется. Пешеходный, через реку, со стеклянной галереей и зимним садом. Проект зарубили городские власти в девяностых. Найди мне все чертежи. Все расчеты.

Орлов молча кивнул и вышел. Я снова посмотрел на фотографию на стене. "Ты играешь грязно, Платонов. Ты бьешь по самому больному. Но ты бьешь по ее страхам. А я ударю по ее мечтам".

Я понял, что нужно делать. Просто прийти и предложить ей деньги, власть - это не сработало. Она слишком гордая. Нужно дать ей то, что нельзя измерить деньгами. Нужно показать ей, что я понимаю ее отца не как медицинскую проблему, а как творца. Я уважаю его наследие.

Через час Орлов вернулся.

- Нашел. "Хрустальный мост". Проект гениальный для своего времени. Очень сложный в исполнении. Вот эскизы.

Он вывел на экран чертежи. Я смотрел на изящные линии, на смелые инженерные решения. Это было не просто здание. Это была поэзия в стекле и металле. Мечта великого архитектора.

- Собирай моих лучших проектировщиков и инженеров. Немедленно. Я хочу, чтобы они изучили этот проект. Адаптировали его под современные технологии. Просчитали смету. И самое главное - я хочу получить разрешение на его строительство.

Орлов удивленно посмотрел на меня.

- Дмитрий Игоревич, это... почти невозможно. Место, где он должен был стоять, давно застроено. А пробить такой проект через мэрию... это займет годы. И миллионы в виде взяток.

- У меня есть и то, и другое, - отрезал я. - Я хочу, чтобы этот мост был построен. И я хочу, чтобы на табличке у

входа было написано: "Архитектор - Константин Загорский. Построено компанией Дмитрия Северцева в память о великом мастере".

Теперь Орлов смотрел на меня с нескрываемым изумлением. Он привык, что я строю бездушные коробки из стекла и бетона, которые приносят максимальную прибыль. А это... это было меценатство. Безумное, убыточное, но невероятно красивое.

- А теперь, - сказал я, вставая, - мне нужно ей об этом сообщить.

- Как? Платонов наверняка контролирует ее телефон. И за ней круглосуточное наблюдение.

- Значит, я найду способ. Он контролирует ее тело. Но он не может контролировать ее мысли. И ее мечты.

Я подошел к окну. Внизу раскинулся ночной город. Мой город. И я построю в нем мост. Ее мост. Платонов дарит ей жизнь для отца. А я подарю ему бессмертие.

Посмотрим, чей подарок окажется дороже для ее сердца.

Я не буду ей звонить. Не буду снова ловить ее у подъезда.

Я сделаю иначе. Я отправлю ей послание. Не электронное, не по телефону. А настоящее. То, которое люди Платонова не смогут перехватить.

- Орлов, найди мне лучшего макетчика в городе, - приказал я. - Мне нужен идеальный макет "Хрустального моста". Чтобы каждая деталь, каждый изгиб был как на чертежах ее отца. И доставь его к ней. Анонимно. С одной лишь запиской.

Я взял листок бумаги и написал на нем всего два слова: "Мечты должны сбываться. Д.С".

Она получит его. Она увидит мечту своего отца, воплощенную в миниатюре. Она поймет. Она поймет, что я не просто хочу ее тело, как думает Платонов. Я хочу дать ей то, чего он никогда не сможет. Надежду. И веру в то, что в этом мире есть не только холодные контракты, но и место для настоящей мечты.

Это будет мой ход. Тихий, элегантный и бьющий прямо в цель. В ее израненное, гордое сердце.

Глава 12. Послание от дьявола. Аврора

Два дня. Сорок восемь часов, которые перевернули мой мир и раскололи его надвое. Я жила как в лихорадочном бреде, где реальность смешалась с кошмаром и несбыточной мечтой.

Первый день был днем Платонова. Утром ко мне приехал его помощник, безусловно вежливый молодой человек с глазами робота. Он привез документы из швейцарской клиники, билеты на специальный медицинский рейс, договор с бригадой врачей, которые будут сопровождать отца. Он раскладывал передо мной бумаги, объяснял детали, а я смотрела на него и видела лишь своего тюремщика, Мстислава Платонова. Каждая подпись, которую я ставила, была еще одним звеном в цепи, приковавшей меня к нему. Цепи, выкованной из чистого золота благодарности.

Когда я рассказала все папе, он впервые за долгое время заплакал. Не слезами отчаяния, а слезами надежды. Он смотрел на меня, и в его потухших глазах я видела немой вопрос: "Какую цену ты за это платишь, дочка?". А я лишь улыбалась и говорила, что все хорошо, что это чудо, что нам

просто повезло. Ложь была горькой, как полынь, но я глотала ее, не морщась. Ради него.

Мы собирали вещи. Самые необходимые. Фотографии, его любимую чашку, старый кашемировый плед. Каждый предмет был якорем, который держал меня в прошлой жизни, но теперь я сама обрубала эти канаты. Моя жизнь больше мне не принадлежала. Вечером позвонил Платонов.

- Все готово? - его голос был как всегда ровным.

- Да.

- Хорошо. После того как вы проводите отца, водитель отвезет вас.

- Куда? - спросила я, и сердце испуганно сжалось.

- Ко мне. Вы переезжаете в мой пентхаус. Нелогично, чтобы мой главный консультант жил на другом конце города. Так я смогу лучше обеспечить вашу безопасность и... продуктивность.

И повесил трубку. Клетка захлопнулась окончательно. Я буду жить в его логове. Под его круглосуточным надзором. Дышать с ним одним воздухом. Эта мысль вызывала приступ

тошноты. Но я молча проглотила и это. У меня не было права на протест. Я сама подписала приговор.

А потом наступил второй день. День Северцева.

Утром, пока мы ждали приезда медицинской бригады, в дверь позвонили. Я открыла. На пороге стоял курьер с огромной, тщательно упакованной коробкой.

- Авроре Загорской, - сказал он. - Распишитесь.

- Я ничего не заказывала.

- Доставка оплачена. Анонимно.

Сгорая от дурного предчувствия, я расписалась и занесла коробку в гостиную. Она была тяжелой. Я осторожно вскрыла упаковку. Внутри, на подушках из бархата, лежал он. Макет.

"Хрустальный мост".

Я замерла, не в силах дышать. Я узнала его мгновенно. Это была мечта моего отца. Его лебединая песня, которую он так и не успел спеть. Я помнила эти чертежи с детства. Помнила, как папа, полный энтузиазма, рассказывал мне о

зимнем саде под стеклянным куполом, о галерее, парящей над водой. Макет был выполнен с невероятной точностью. Каждая деталь, каждый изгиб. Он был совершенен. Он был реален.

Мои пальцы дрожали, когда я нашла на бархатной подкладке маленький конверт. Внутри - карточка из черного картона. И два слова, написанные уверенным, размашистым почерком.

"Мечты должны сбываться. Д.С".

Я опустилась на колени перед макетом, и слезы, которые я сдерживала все это время, хлынули наружу. Это был удар. Но не жестокий, как у Платонова. А прицельный, точный, бьющий не в разум, а прямо в сердце. В самую глубину души, туда, где хранились мои детские воспоминания и моя самая светлая печаль.

Платонов предложил мне спасение тела моего отца. Северцев предложил мне бессмертие для его души.

Один действовал как расчетливый бог, дарующий жизнь за плату. Второй - как темный искушитель, предлагающий исполнение самого сокровенного желания.

Я смотрела на этот мост, и мир вокруг меня перестал существовать. Я была раздавлена, разорвана на части. Как я могла ненавидеть человека, который спасет моего отца? И как я могла не чувствовать ничего, кроме страха и благодарности к тому, кто подарил мне это чудо, воскресив из пепла самую заветную мечту моей семьи?

Они играли мной. Жестоко, безжалостно. Их война шла не на биржах и не в залах для переговоров. Полем их битвы стала моя душа. И они оба наносили удары с хирургической точностью, целясь в самые уязвимые места.

В этот момент приехала медицинская бригада. Все закрылось, как в калейдоскопе. Вежливые врачи, носилки, оборудование. Я помогла усадить отца, укрыла его пледом. Он увидел макет. Его глаза расширились, и он посмотрел на меня с таким выражением, что у меня снова защемило сердце. Он узнал. Конечно, он узнал. Он протянул руку и слабо коснулся стеклянного купола. А потом посмотрел на меня. В его взгляде больше не было вопроса о цене. В нем было понимание. И безграничная любовь.

Я проводила его до аэропорта. Стояла в здании аэропорта и смотрела, как белый самолет с красным крестом уносит мою единственную родную душу в другую страну, в другую жизнь. В жизнь, которую ему купил Мстислав Платонов. Ко-

гда самолет скрылся в облаках, я впервые почувствовала себя абсолютно, по-настоящему одинокой.

Водитель Платонова ждал меня. Молчаливый, как тень. Он открыл мне дверь "Майбаха".

- Едем в пентхаус, - сказал он в микрофон гарнитуры.

Я села в машину и откинулась на сиденье. Прощай, моя старая жизнь. Прощай, мой старый дом, куда я больше не вернусь. Впереди была неизвестность. Жизнь в золотой клетке с моим хозяином. Но теперь в этой клетке со мной была не только ненависть. Была благодарность, которая отравляла эту ненависть, делая ее вязкой и бессильной.

И еще со мной был образ хрустального моста. И два слова, выведенные на черном картоне. Послание от другого хищника. От того, кто ждал снаружи моей клетки. Ждал, когда я сломаюсь.

Но я не сломаюсь. Я смотрела на проплывающие за окном улицы и понимала, что моя война только начинается. Они думают, что загнали меня в угол. Но они не учли одного. Когда загоняешь в угол дикое животное, оно перестает бояться. Оно начинает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.